

Праздники народного календаря

Праздники составляют неотъемлемую часть народного календаря, который организует хозяйственную и бытовую практику, обрядовый цикл и верования русского народа. Народный календарь возник в очень далекие дохристианские времена в среде славян-земледельцев Восточной Европы и представлял собой свод знаний, необходимых обществу для ведения земледельческого хозяйства, фиксировал изменения, происходившие в природе и оказывавшие влияние на жизнь людей. Праздники, включенные в народный календарь, отмечали наиболее важные природно-астрономические явления: зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие, за которыми следовала смена времен года. День зимнего солнцестояния отмечали Святками, день весеннего равноденствия — Масленицей, весенний расцвет природы — Семиком и Русалиями, день летнего солнцестояния — Купальскими празднествами, осеннего равноденствия — праздниками сбора урожая. Эти языческие празднества были своего рода подведением итогов каждого из этапов жизни природы и людей и в то же время подготовкой к следующему этапу. Все это осуществлялось благодаря множеству обрядов, магических ритуалов, жертвоприношений, совершая их, люди благодарили силы природы за помощь и просили обеспечить урожай, приплод скота и благополучие семей.

С принятием в конце X в. христианства произошло слияние древнерусского аграрного календаря с церковным календарем — святцами, в них за днями годового цикла были закреплены церковные праздники, посвященные чествованию святых и зна-

чительным событиям священной истории. Святцы послужили основой, на которую хорошо лег аграрный календарь. Языческие праздники слились с христианскими: праздник зимнего солнцестояния совпал с Рождеством Христовым, Пасха — с древними весенними праздниками, Семик — с Троицей, праздник Ивана Купала — с Рождеством Иоанна Крестителя, осенние праздники урожая — с днями, посвященными Спасителю, Успенью и Рождеству Богородицы. При этом оставались фактически неизменными языческие жертвоприношения и магические ритуалы, которые должны были обеспечить обильный урожай, приплод скота, благополучие семей.

Календарные праздники, как и народный календарь, за многие столетия своего существования не оставались неизменными: могли переосмысляться, трансформироваться, отдельные элементы могли исчезать, появляться новые. При этом возникало множество локальных вариантов празднования. Они продолжали жить у русских почти до наших дней. Однако, постепенно происходила утрата мифологического содержания обрядов и ритуалов, составлявших основу праздничного сценария. Это объяснялось постепенным исчезновением старого землепользования и старых способов производства сельскохозяйственной продукции, а также изменением мировоззрения людей. Древние обряды и магические ритуалы превратились в веселую игру. В советское время в 1920-е гг. в результате начатой государством борьбы с традиционным бытовым укладом календарные праздники стали выходить из обихода. До наших дней дошли лишь их отдельные эпизоды.

Русские Южного Урала, переселившиеся сюда в XVIII — начале XX в. из разных регионов Российской империи, отмечали календарные праздники подобно тому, как это делали на месте своего первоначального проживания. Поэтому складывается очень пестрая картина: здесь можно обнаружить праздничные традиции населения южнорусских, поволжских и центральных областей Европейской России, а также традиции украинские праздников.

Зимние праздники

Зима, по народным представлениям, была временем, когда природа «умирала», «засыпала», а земля «отдыхала» до наступления весеннего тепла. В разных регионах России началом зимы

считалось разное время. В одних местах зима «приходила» в день Кузьмы и Демьяна (1/14 ноября): «Кузьма-Демьян с гвоздем мосты гвоздит»; в других — «С Сергия зима начинается, а с Матрены устанавливается» (то есть с 25 сентября /8 октября и с 26 сентября/9 октября); третьи полагали, что зима начинается со дня памяти свт. Николая Мирликийского (6/19 декабря). На Южном Урале считали, что зима наступает после праздника Покрова Пресвятой Богородицы (1/14 октября). Уральский казак из села Иртек Оренбургской области говорил: «Этот праздник все знают, после него наступает зима»¹. Праздник Покрова Богородицы, установленный в память о явлении Богородицы у стен осажденного сарацинами Царьграда, был на Южном Урале первым праздником — предвестником зимы. В тот день, как считалось, земля в первый раз покрывается снегом, после чего и приходит зима.

В некоторых селах Оренбургской области в Покров день полагалось молиться «новому лету». У Бога просили, чтобы на влажную землю выпало много снега, чтобы весной была влага для посевов, говорили: «Когда влага есть и снег есть, тогда и урожай будет»².

Покров день на Урале считался девичьим праздником. В Челябинской области девушки собирались своим «курмышем» — компанией — и устраивали трапезу, главным блюдом которой были гуси и утки. Парней старались на эту вечерку не пускать. В Оренбургской области происходили гулянья девушек по селу. Жительница села Никольского нам рассказывала: «Вот, раньше молодежь на Покров водила танок. Вот, надевают атласные юбки, все красные, как жар горят. И рука за руку, в руку платочек, и за руку, у меня платочек, у тебя платочек. И через всю улицу протягивается, и песни. И прям с Хохлатчины [так называлась часть села] и до конца, из конца в конец, например, из Хохлатчины в Оторвановку, а энти оттудова, и вот так весь день танок и водили. Вели друг друга, рука за руку, и твой и мой платочек — ты за один конец, я за другой, так вот и шла. Шли, как улицу перетянули, поперек улицы, за всю улицу, в одного человека, как в шеренгу. Одеты в красные юбки и красные кофты. А платки белые, но у кого может и шелковые, красные»³.

С Покрова дня начинались вечерки (посиделки, беседы) и свадьбы. Девушки в ночь на Покров просили: «Покров, Покров, покрой земелюшку белым, белым снежком, а мою головушку золотым венцом»⁴.

После Покрова дня в русских селах Южного Урала праздников фактически не было. В селах игрались свадьбы, участвовали в которых, как правило, все жители села. В Рождественский пост, начинавшийся 15/28 ноября, больших празднеств проводить не

полагалось. В эти дни только скромно отмечался Никола Зимний — день памяти свт. Николая Мирликийского (Николая Чудотворца, Николая Угодника), 6/19 декабря, особо почитаемого русскими.

Основная зимняя обрядность была приурочена ко дню зимнего солнцестояния, которое приходится на самый короткий день в году и самую длинную ночь, когда высота подъема солнца на небосклоне является самой низкой. Это происходит обычно 21 или 22 декабря. С этого числа ночь постепенно сокращается, а день становится длиннее. Русские с глубокой древности расценивали это астрономическое событие как возрождение и как начало перехода от старого к новому, солнечному году, переходу от тьмы к свету. Ко дню зимнего солнцестояния церковью был приурочен праздник в честь рождения Иисуса Христа — Рождество Христово (25 декабря/ 7 января), которому церковь предлагала поклоняться как «Солнцу правды». Эти две важные вехи в жизни природы и людей, соединяясь и переплетаясь друг с другом, отмечали двухнедельными празднествами, называвшимися Святки.

Святки

Святки длились с Рождества Христова до Крещения Господня (с 25 декабря/7 января до 6/19 января) и начинались вечером в рождественский сочельник, когда на небе появлялась первая звезда — символ той, что известила волхвов о рождении Спасителя. Эти двухнедельные празднества были наиболее значимыми в народном календаре и характеризовались большим количеством обрядов, магических действий, запретов. Их исполнение должно было обеспечить людям на целый год счастливую жизнь, дать знания о будущем, предохранить от возможных невзгод и несчастий, защитить от нечистой силы.

Празднества и магические ритуалы проводились по преимуществу в вечернее и ночное время. День был занят обычной работой, и лишь наступление темноты заставляло людей отложить будничные дела. В праздничном веселье обычно была занята молодежь: подростки, парни и девушки, молодые замужние женщины и женатые мужчины. Старшее поколение участвовало в роли зрителей молодежных развлечений.

Большинство обрядов и магических действий начинались уже в рождественский сочельник.

Семейная трапеза сочельника. Рождественский сочельник отмечался на Южном Урале, как и по всей России, семейной трапезой, которая, по народным представлениям, повторяла трапезу Святого семейства после рождения Иисуса Христа.

На столе стояла постная пища: блины с медом, пироги с грибами, картошкой и крупой, каша. Обязательными блюдами были кутья и узвар. По старинному поверью, распространенному среди русских Южного Урала, в этом застолье принимали участие не только живые, но и умершие члены семьи — «родители», которых Бог выпускал на землю, чтобы и они порадовались рождению Иисуса Христа. Общая трапеза скрепляла сакральный союз предков и потомков, была своеобразным жертвоприношением предкам в обмен на блага, которые они могли дать живым.

Рождественские костры. Вечером в сочельник или утром в Рождество на Южном Урале около каждого дома полагалось зажигать костры — пурыны. Это обрядовое действие называлось «ножки греть родителям».

На каждом дворе зажигали небольшой костер из соломы, в который для святости бросали кусочек ладана и огарок свечи, принесенной из церкви. По поверьям, это делалось для того, чтобы «согреть ножки умершим», приходившим из «инога мира» на землю. При этом на каждом дворе костер разжигали для предков своей семьи. Пока солома горела, хозяева дома вместе с детьми, молча, стояли у костра, вспоминая своих умерших. Иногда хозяин дома говорил: «Мама, папа, няня, дядя, мы тебе ножки греем»⁵.

В станицах оренбургских казаков считалось, что костры жгут для того, чтобы «обогреть Иисуса Христа». Это объяснялось тем, что Христос родился в зимнюю стужу, ему холодно на небе, и чтобы он не замерз совсем, «Ему горящими кострами посылают тепло на небо»⁶. Этот обычай сохранился до наших дней в некоторых селах Оренбургского, Понамаревского и Шарлыкского районов Оренбургской области, но в более ранние времена он был известен во многих селах Южного Урала. Кроме того, в прошлом он был характерен не только для русских Южного Урала, но и для крестьян многих сел южнорусского региона, а также Самарской и Астраханской губерний. Обычай зажигания костров накануне Рождества объясняется особым состоянием астрономического года — зимним солнцеворотом. Костры являлись своего рода знаком возрождения солнца после длительной зимы⁷.

Рождественская кутья. Среди старинных обрядовых действий, исполнявшихся в сочельник в некоторых селах Южного Урала, сохранился также обычай разносить по домам родственников кутью. В наши дни это было зафиксировано в казачьих селах Кардаилове и Дедуровке Оренбургской губернии, население которых составляли обрусевшие украинцы. Кутью в старину делали

из распаренных зерен пшеницы с добавлением меда и распаренных сушеных ягод. Пожилая женщина из села Сергиевка Первомайского района Оренбургской области с удовольствием вспоминала приготовление кутьи: «Пшеницу толкли в ступе. И деревянный был толкач. И вот кладут, мочут пшеницу, немножко смачивают, потом ее толкут, и шкурочка от нее отскакивает, а остается светлае, светлае пшеничка такая — ободратая она. Очень хорошая. Когда ее потолкут, то немножко обжарят. Обжарят, а потом варить. Вот ее поставят с водичкой варить, а потом кладут туда масла... И она распаривается. Разваривается и каждая пшеничка отдельно. И вкусная она такая»⁸. В наши дни ее делают из риса с изюмом. Узвар приготавливали из сушеных ягод, распаренных с медом в печи. Кутья и узвар — блюда ритуальные. Их символика сводится к представлениям о вечном возрождении жизни через смерть, что обусловлено смыслом ингредиентов, их составляющих. В народных верованиях, зерно и ягоды — символ жизни, потому что они ежегодно ее воссоздают и умножают. Мед же дает пчела — «божья угодница».

Кутью разносили по домам как дети, так и взрослые. Первые это делали в середине дня. Войдя в дом, они говорили: «Тятка, мамка прислали кутью кусковать» или «Вот, кушайте кутью». За это детям дарили булочки, печенье, ватрушки. Взрослые приходили ближе к вечеру, их радостно встречали и приглашали за стол. Появление родственников с кутьей считалось большой честью для семьи, указывало на добрые отношения и уважение к ним. В христианском осмыслении обычай приносить кутью в дома родственников уподоблялся дарам волхвов Святому семейству в день появления на земле младенца Христа. В народной же среде обычай угощать родственников кутьей оброс легендами христианского содержания. В далекие времена, рассказывается в одном из старинных уральских преданий, правители-язычники, чтобы досадить христианам перед Рождеством, во время строгого поста окропили всю их еду, кроме зерен пшеницы, кровью. Эту еду уже нельзя было есть, потому что она из постной превратилась в скоромную. Тогда было решено смешать пшеницу с медом, и таким образом поддержать свои силы, истощенные длительным постом.

Ритуальные обходы домов. Характерной чертой святочной обрядности были ритуальные обходы сельских домов группами детей, молодежи, молодых мужчин и женщин с праздничными поздравлениями и пожеланиями семейного и хозяйственного благополучия. Они проводились в канун Рождества, в Рождество, накануне Нового года. В селах и станицах Южного Урала, насе-

ление которых составляли переселенцы из разных местностей Российской империи, эти обходы были очень разнообразны по форме. Здесь «Славили Христа», «колядовали» «кликали Авсень», «щедровали», «играли Маланку».

Ритуал «Славления Христа» был известен не только на Южном Урале, но и во всей России. Он был введен в народный быт во второй половине XVII в. в правление царя Алексея Михайловича и воспроизводил эпизод евангельского предания о приходе к колыбели новорожденного Иисуса волхвов, ведомых вифлеемской звездой. Славельщики — дети, парни и девушки, объединившись в небольшие группы, обходили с поздравлениями дома односельчан.

В некоторых местах Южного Урала, например в городе Миньяре Челябинской области, по воспоминаниям местных жителей, славельщики несли на длинном шесте «рождественскую звезду». Ее делали из соломы, бумаги или деревянного обруча, обтянутого бумагой, с длинными лучами-лучинками. Славельщики подходили к дому, стучали в окно и после приглашения хозяев проходили в передний угол комнаты, молились перед иконами и хором произносили рождественский тропарь. Молитва заканчивалась словами: «С Рождеством, с праздничком!» Если славельщиками были дети, то после тропаря пели поздравительные песенки:

Малые детки,
Ломали ветки,
В ограду бросали,
Христа поздравляли.
Христос родился,
Вразень [враг] свалился.
Поздравляем с Рождеством,
С Христом, с Праздничком!⁹

Многие из песенок содержали просьбу о награде за поздравления и угрозу за отказ:

Здрасьте, хозяин с хозяйшкой!
Со всей семьей-семеюшкой,
С праздничком вас, с Рождеством Христовым —
Славите, славите, вы меня не знаете.
Зачем я пришел? — За сырчиком,
За копеечкой, за пирожком.
Не дадите пирожка, я корову за рога,
Возьму корову за рога, телушку за хвост
И уведу их в колхоз...¹⁰

Взрослые славельщики могли также прочитать кондак праздника: «Дева днесь пресущественного рождает» или исполнить

духовные стихи, в которых в сжатой форме передавались события, связанные с рождением Иисуса. В селе Дедуровке Оренбургской области, например, пели такой стих:

Христос Спаситель в полночь родился,
И в яслях бедных он поместился.
Вот нам везде звезда сияла,
Христос родился, всех возвещая.
Вот свод небесный вдруг растворился,
В вертепе тесном свет появился,
И ангелы с небес слетели,
Славу Вышнюю Христу воспели.
В вертеп приходят цари и князи,
Христу приносят драгоценные дары.
И на колени тут они пали,
С великим страхом молиться стали.
Стояли долго, Христу молились
И святой верой тут озарились.
Озари нас верой света,
Даруй нам многие лета.
Многие лета, многие лета¹¹.

Славельщикам обычно давали деньги, печенье, ватрушки, а также кокурки и сырчики. Кокурки — любимое лакомство уральских и оренбургских казаков — представляли собой небольшие сдобные хлебцы из белой муки с яйцом внутри. Сырчики — небольшие замороженные шарики из творога, сметаны и сахара. Поздравители с благодарностью принимали дары, складывали в мешок и вечером устраивали себе маленькое пиршество. По русским представлениям, подарки, которые люди делали славельщикам, это дар не столько им, сколько Богу и Божьей Матери. Пожилая женщина из села Нижняя Павловка объясняла: «Давать надо обязательно, потому что Иисус Христос родился, чтобы доходило до нее, до Божьей Матери, до Сына. Вот поэтому давали. Подавание — это для Бога». Причем считалось, что этот дар обеспечит благополучие дому в наступающем году¹². Этот христианский по своему происхождению ритуал впитал в себя за многовековую историю множество магических действий, направленных на благополучие людей в наступающем, солнечном году. Так, например, чтобы «овечки велись, скотинка велась», славельщиков сажали на овчинную шубу, а «чтобы гуси водились» — на пуховую подушку, а чтобы земля давала хороший урожай, славельщики «посевали избы». Они приносили с собой зерно и после молитвы и песен бросали его в передний угол со словами: «Сею, вею, посеваю, вам добра желаю. Налево — жито, чтобы были закрома, направо — пшеницу, чтобы дети у вас родились»¹³.

В некоторых селах это магическое действие выполнялось в день Василия Великого (1/14 января). Однако песенка с пожеланием хороших урожаев и скота оставалась прежней:

Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю,
Со скотом, с животом,
С пшеничкой, с овсецом.
Ты, хозяин-мужичок,
Полезай в сундучок,
Доставай пяточок
Нам на орешки,
Нам на потешки,
Здравствуй, хозяин с хозяйшккой¹⁴.

В селе Кардаилово пели: «На счастье, на здоровье, на Новый год, роды, Бог, пшеницу, горох, чечевицу, всяку кошеницу, дай детей копыцу, чтоб один за одного брались, да и на пичь дрались. Здравствуйте, с праздником! С Новым годом! С новым счастьем!»¹⁵

Крестьяне прекрасно понимали и понимают в наши дни смысловое содержание этого обрядового действия: «А посевали под Новый год, чтобы урожай был хороший», «Чтоб урожай был, в доме — добро, в поле — зерно, и посевают зерном — пшеница, ячмень, просо, у кого чё есть»¹⁶. Зерно разбросанное славельщиками и поздравителями считалось святым, его собирали и первым бросали в землю во время сева.

Обряд колядования совершался обычно в первую половину Святков: навечере Рождества, в первые два дня Рождества, а иногда под Новый год. Рано утром колядовать отправлялись дети, по пять-шесть человек в группе, затем парни и девушки, молодожены. О своем появлении под окном колядующие сообщали словами: «Разрешите покликать коляду!» Хозяева выходили на улицу и тогда колядующие начинали исполнять песни-колядки, в которых обещали хозяевам видимо-невидимо благополучия. Колядка заканчивалась просьбами о подарках за добрые пожелания:

Колядушка колядовала,
Под окошечком стояла.
Что ты, тетка, наварила,
Что ты, тетка, напекла,
Неси, тетка, до окна,
Неколи ждаты,
Замерзли пяты¹⁷.

Среди колядок были и песни, которые носили христианизированный оттенок:

А в поле, поле
Сам Господь ходил.
Дева Мария снопы носыла,
Бога просыла:
«Уроды, Боже,
А уроды, Боже,
В поле — зерном,
В доме — добром»¹⁸.

В казачьих селах Дедуровке, Кардаилове, Студеном Оренбургской области, где жили обрусевшие украинцы, бытовали также и религиозные колядки, в основе которых лежало Священное Писание, легендарные рассказы об Иисусе Христе, Богородице. Они были широко распространены на Украине, а их источником там являлись различные печатные издания — «Богогласники», «Сборники благоговейных песен», издававшиеся в XVIII в. и в более позднее время.

Одним из вариантов русских колядок был Авсень/таусень, усень. «Кликали Авсень» в канун Нового года. Свое название он получил благодаря припеву песен, которые исполняли обходчики под окнами дома. Эти песни были широко распространены в центральных и среднерусских губерниях Европейской России, а также в Поволжье и попали в Оренбургскую губернию вместе с переселенцами¹⁹. В основном, это были песни-просьбы, включающие требование обрядового подаяния: «Таусень, таусень, баюсень, кишки и желудки»²⁰.

«Щедрование» было распространено в селах Дедуровке, Кардаилове, Студеном Оренбургской области, население которых состояло в основном из обрусевших украинцев. Щедрование проводилось вечером накануне Нового года, а главными его участниками были девушки и молодые женщины. Подойдя к окошку дома, они спрашивали хозяйку: «Тётка, вам пощедровать?» После разрешения: «Пощедруй!» — начинали исполнять песенки-щедрилки. В них, также как и в колядках, звучали пожелания благополучия дому, просьба о подарках и угроза в адрес хозяев, если они оказались скупыми. Характерной особенностью щедрилок было включение в них христианских мотивов:

Как под Новый год
Ходил сам Господь,
А за ним, за ним Дева Мария.
Дева Мария Бога просила:
«Уроди, Боже, жито, пшеницу,
Всяку пашницу».
С Новым годом, дорогие хозяева!

***

Щедровичка щедровала,
До оконца припадала,
Что ты, тётка, напекла,
Неси мне до окна²¹.

Обряд «щедрования» на Новый год был, вероятно, перенесен на Южный Урал украинскими переселенцами. В прошлом он был широко распространен в селах Украины, Воронежской и Курской губерний.

Украинские корни имел и новогодний обряд «Маланка», зафиксированный в селах с обрусевшим украинским населением Оренбургской области. Своим названием он обязан св. Мелании, день памяти которой отмечается 31 декабря /13 января. Группы девушек вечером 31 декабря обходили дома, среди них была нарядно одетая девушка с веночком на голове, которую называли Маланкой. О ней рассказывали так: «Платье такое хорошенькое оденут и веночек на голову. Ну, вот как невеста она ходит». Девушки подходили к дому и спрашивали: «Можно вам Меланку спеть?» — «Заходите». В доме они поздравляли хозяев с Новым годом, пели, плясали, за что получали деньги, пироги, платки, и отправлялись в другой дом²². «Маланка» — это обряд, хорошо известный на всей территории Украины, от Карпат до Слобожанщины. Однако на Украине «Маланка» — более яркое зрелище. Там обряд представлял собой карнавал, центральным персонажем которого была Маланка — парень, переодетый в женскую одежду. Остальные парни изображали различных животных: козу, журавля, медведя, быка, коня; представителей потусторонних сил: черта, смерть; «чужих»: попа, жандарма, еврея, турка, цыгана. В сопровождении музыкантов они ходили всю ночь по селу, распевая под окном каждого дома ритуальную песню Маланку-надднестрянку. Изначальная функция этого обрядового действия — заклинательно-магическая. С помощью слов, песен, танцев стремились обеспечить в Новом году урожай, здоровье, благополучие²³.

Все эти святочные обходы домов явление очень древнее. Документы XVI–XVII вв. сохранили сведения о русских святочных обрядах, перечисляя их довольно подробно. В грамоте царя Алексея Михайловича написано: «Ведомо нам учинилося, что на Москве, наперед сего в Кремле, в Китае, и в Белом, и в земляных городах, и за городом, и по переулкам, и в черных, и в Ямских слободах по улицам и по переулкам, в навечере Рождества Христова кликали многие люди Коляду и Усень»²⁴.

Ряженье. Святочные развлечения на Южном Урале, как и во всех русских селах России, включали в себя ряженье. Оно суще-

ствовало здесь в двух формах: «страшные бесовские ряженые» — шиликуны, горбунцы, и «красивые, хорошие ряженые» — наряженки, нарядихи. По словам А. И. Кривошекова, у оренбургских казаков обычно слово «ряженье» не употреблялось. Они говорили: «Идем маскироваться» или «Идем слушаться»²⁵.

«Страшные бесовские ряженые» появлялись на сельских улицах в «страшные вечера», то есть во вторую неделю святочных празднеств, когда, по поверью, в «нашем мире» бесчинствовала нечистая сила. «Бесовских ряженных» изображали парни и молодые мужчины. Они одевались в старую, рваную одежду, которую здесь называли «махры», «махрястая одежда», также в вывороченные мехом наружу шубы, передевались в женскую одежду или превращались в барана, прикрепив на шапку бараньи рога, в быка, натянув на себя бычью шкуру. Лица обычно мазали сажей или прикрывали масками, вырезанными из бумаги. Судя по поздним материалам, на Южном Урале не знали традиционного для восточных славян ряженья козой или журавлем.

Главной задачей горбунцов/шиликунов было развлечь, пошутить и напугать народ, оставаясь при этом не узнанными. В. Касимовский, живший в конце XIX — начале XX в., писал: «Горбунцы-шиликуны бегают большими толпами по домам и улицам и наводят страх на малых детей»²⁶. Казачка из села Нижняя Павловка Оренбургского района рассказывала этнографам: «В Святки и пугали, и шубу выворачивали, и сажей мазались. Ну вот, он вынарядится, шубу вывернет и наденет какие-нибудь рога, привяжут их к голове и идут пугать»²⁷. Очевидец из села Донского Сакмарского района Оренбургской области, наш современник, вспоминал свое детство: «Бывало, середку из тыквы вырежут, только корка останется. В корочке глаза проделают, будто это голова, рот вырежут, потом зажгут свечку и в середину поставят. И в Святки с этой головой по деревне ходят, в окно ее выставляют. Все пугались: „Кто это такой, с огненными глазами?“»²⁸

Ряженые не только бегали по ночам по всему селу, но и заскакивали в дома: «И вот они ввалятся, и давай плясать, и снегом кидаются <...> Подадут им по рюмочке браги, они попляшут <...> ну, и уйдут, хлопнут дверь, целая ватага ходила». Особенно ряженые любили развлекать молодежь, веселившуюся на посиделках: «Нарядятся там, махров всяких на себя навздевают, лицо закроют и идут, чтобы не узнали, кто пришел. Пляшут, играют, поют. Они напляшутся, набегаются. Да пойдут в другую поседку»²⁹. (Следует отметить, что на Южном Урале нами не были замечены игры ряженных: в покойника, в брак, в свадьбу и т.д., бытовавшие достаточно долго в других русских регионах.)

Развлечения шиликунов/горбунцов считались еще в недалеком прошлом делом греховным. Снять грех можно было в Крещение Господне, окунувшись в «ердань» — прорубь с освященной водой.

«Красивые наряжонки» ходили по дворам, начиная с третьего дня Рождества и по Васильев день (1/14 января), то есть в первую неделю Святка, которую обычно называли «хорошими/красивыми Святками». Этот обычай был известен главным образом в казачьих селах Оренбургской губернии. Его участниками были девушки, одетые в широкие, яркие юбки, с накинутыми на плечи старинными шальями и кружевными накидками, закрывавшими голову и лицо³⁰. За яркие одежды, широкие юбки их часто называли цыганками или турчанками. Собравшись группой в пять-десять человек, в сопровождении парня с гармонью, переодетого в женский костюм или изображавшего смерть с косой, или охранника с кнутом, они шли по селу от одного дома к другому с песнями и плясками, заходили обычно в те дома, где жили парни — потенциальные женихи. Участница такого развлечения из казачьей станицы Черноречье Оренбургской области говорила нам: «Турчанками мы ходили по дворам по всей деревне, у кого парни есть. Ходили к кавалерам в избы. К девчатам мы не ходили, только к кавалерам». Подойдя к дому стучали в окно: «Можно святошникам зайти?» — «Можно!» Переступив порог зала, то есть комнаты, девушки начинали петь, плясать, гадать по руке и просить, как настоящие цыганки, «позолотить ручку»³¹. Самым главным удовольствием для турчанок/цыганок было увидеть, что хозяева их не узнают. К концу веселья девушки раскрывали тайну — показывали лица. Все радовались; угощали орехами, семечками, горохом.

Гадания. Святки считались на Южном Урале, как и по всей России, временем, особенно подходящим для гадания, так как, по распространенному поверью, в эти две недели можно было легко установить контакт с потусторонними силами, через посредничество которых и пытались узнать будущее. Во время этого контакта, как считалось, человек получал особые знаки, в которых и была зашифрована его будущая судьба и которые он должен был правильно истолковать. Для того чтобы связь состоялась, необходимо было выбрать правильное время и место. В Святки в качестве правильного времени рассматривали кануны Рождества Христова, Васильева дня и Крещения Господня. Гадать нужно было в полночь, когда, по поверьям, враждебные людям потусторонние силы проявляют особенную активность. В дневное время и особенно в праздники гадать не рекомендовалось, так как вся

нечистая сила исчезала, испугавшись звона колоколов и церковной службы.

Правильными местами для гадания считались заброшенные дома, бани, овины, хлева, подполья, чердаки, то есть места обитания нечистой силы. Кроме того гадать можно было на пороге избы, около печи, на перекрестке дорог, около колодца, проруби, на меже, в местах, где, по поверью, проходит граница между «нашим» и «чужим» миром.

Содержанием и целью гаданий было стремление получить ответы на вопросы о жизни, здоровье и смерти членов семьи, о погоде, урожае, приплоде скота. Однако, на Южном Урале особенно широко были распространены девичьи гадания на брачную тему. При гадании о замужестве девушки пытались узнать имя будущего мужа, его внешний облик, характер, возраст, материальное положение, а также выяснить, как сложится семейная жизнь, кто из супругов дольше проживет, сколько будет детей и пр.

Способы ворожбы, как называли гадания жительницы Южного Урала, отличались удивительным многообразием. Для того чтобы получить знак судьбы, проводили множество различных действий: бросали валенки за забор, вытаскивали камешки из проруби, обвязывали ленточкой жерди забора, слушали звуки на перекрестке дорог, клали под подушку ключи, гребни, смотрели в зеркало, ловили в хлеву овец, кормили куриц зерном, жгли бумагу и т.п. Знаки судьбы, полученные с помощью сверхъестественных сил, нужно было правильно истолковать. Толкования тех или иных звуков, гадательных предметов передавалось от одной женщины к другой на протяжении нескольких столетий. Многие из них были хорошо известны русским не только Южного Урала, но и других регионов страны.

В уральских селах многие гадания были основаны на толковании звуков. В селе Селезяни Еткульского района Челябинской области, например, девушки, чтобы узнать характер будущей свекрови, брали в бане, топившейся по-чёрному, горячий камень и бросали его в прорубь. Считалось, что если камень в холодной воде сильно зашипел, «то свекровка, значит, будет ворчливая, злая такая, а если возьмем камень, бросим туда, а он не шипит, значит, свекровка хорошая будет»³². Ворожба строилась также на толковании внешнего вида предмета. Если достать со дна реки камушек и посмотреть, гладкий он или шершавый, то можно узнать каков будет жених — красивый или рябой. Если ночью отправиться в хлев и оторвать у овцы пучок шерсти, то можно определить цвет волос будущего жениха. Многие уральские гадания были основаны на символике предметов, таких, например, как ключ,

кольцо, зерно, уголь. На пол ставили три тарелки: одна — с водой и кольцом, вторая — с пшеницей, третья — с углем. Приносили петуха и смотрели, к какой из тарелок он подойдет первой. Если он попьет воду, где лежит кольцо, то гадающую ждет замужество, если будет клевать пшеницу — ее ожидает богатство, если уголь — жених будет кузнецом. Ключ в гаданиях «открывал доступ» к невесте. Ложась спать, девушка клала под подушку ключ, а рядом ставила сделанный из щепочек «колодец» и говорила: «Суженый-ряженный, приходи ко мне ужинать» или «Суженый-ряженный, приходи ко мне коня поить». Ключ «открывал вход» к спящей девушке будущему жениху³³.

Отношение современных русских жителей Южного Урала к гаданиям разное. Большинство лиц старшего возраста, с одной стороны, считают ворожбу своего рода игрой: «Мы так играем. Это всё шутка, игра», а с другой стороны, приводят примеры сбывшихся гаданий. Пожилая женщина из села Донского Сакмарского района Оренбургской области рассказывала, что ее сестра нагадала себе суженного: «Некрасивого, такого корявого... Может это совпадение было, но было всё именно так. Уж такой у нее жених был, что мать её говорит: „Дочка, вот меня бы он позвал — я бы век не пошла за него, а ты зачем идешь?“ — „Это моя судьба!“ Вот так и вышла она за него». Некоторые из наших информантов считают, что гадания сбываются, аргументируя это историями из своей жизни. Пожилая женщина из села Каратабан Еткульского района Челябинской области рассказывала, как в юности она гадала на жениха: поставила блюдце с водой и кольцом, блюдце с пшеницей и блюдце с углем, пустила на пол петуха и курицу со словами: «Скажите мне, какая моя судьба?» Петух сразу же взлетел на божницу и его долго не могли поймать, а курица топталась по полу. Когда петух поймали и опустили на пол, он стал сначала клевать кольцо, а потом пшеницу, а курица топталась, ничего не ела. Женщина истолковала поведение птиц применительно к своей судьбе: «И вот так судьба моя, действительно, сложилась. Вышла я за хорошего парня, а потом нашлась такая женщина, колдовка, хоть сейчас уже не веруют в это, но у них поколение было ихнее, знающих. И вот она меня сначала отвернула, а потом его приколдовала. И вот мы потом шесть раз сходились и расходились. Как вот петух улетал от меня, вот так и муж уходил. А пшеницу клевал — это значит муж будет богатый. Если в кольцо клюет, значит выйдешь замуж. И я вот вышла — он не бедный был, а так средне жили, в наше время уже богатых не было, там уж раскулачили всех, уже колхозы были»³⁴. Следует отметить, что наши информанты редко упоминали о том, что при гадании устанавливается связь с нечи-

стой силой. Это обычно встречалось лишь в рассказах о ворожбе на жениха с зеркалом и свечей. Представление о том, что гадание грех, сохранялось только в старообрядческих селах. Старообрядка из села Архиповки Сакмарского района Оренбургской губернии говорила нам: « Кто гадает — это грех. Гадание с чертом связано»³⁵, а жительница села Никольское того же района считала: «Гадание большой грех. Господь — он не велит загадывать. Загаданное не бывает, что Господь даст, то и будет»³⁶.

Обряды последнего дня Святки. Святки заканчивались в день Крещения Господня (6/19 января) после великого водосвятия, в ходе которого «Божественным наитием» освящается вода. Великое водосвятие совершается два раза: накануне Крещения после вечерни на естественном водоеме — озере, реке, роднике, колодце; и в день праздника в храме после литургии. Водосвятие было установлено в память о крещении Иисуса Христа в водах реки Иордан Иоанном Предтечей. В селах Южного Урала освящение воды в реках было главным событием последнего дня Святки.

К водосвятию на источнике начинали готовиться с крещенского сочельника: вырубали прорубь в виде креста, устраивали из ледяных глыб подобие аналоя, рядом иногда водружали деревянный крест. Прорубь называли обычно «ердань» — в воспоминание о крещении Иисуса Христа в водах реки Иордан. К проруби шли крестным ходом во главе со священником, с иконами и хоругвями. Священник проводил молебен, в конце которого три раза опускал в прорубь крест, насылая на воду благословение Божье.

В советское время, когда многие храмы на Южном Урале были закрыты, вместо священника воду освящала пожилая, глубоко верующая и уважаемая в селе женщина. Это делали на реке или роднике, а часто и просто в ведре воды, набранной из уличной колонки. По словам казачки из села Донского Оренбургской области, это делали так: «Распятыё мачут в воду, свечки зажигают, четыре по посудине, ну, и у иконушки зажигают, канун [канон — молитвословие в честь праздника] читают»³⁷.

Сельские жители однако были убеждены, что если даже никто воду не святит, она все равно в первые три дня Крещения — святая, где бы она не находилась: в реке и в озере, в колодце и в виде снега на крыше дома или в водопроводной колонке. По поверьям, ее в этот день «освящает сам Господь», так как в эти три дня «Христос везде».

В селах и станицах Южного Урала, как и по всей России, существовал обычай купаться в проруби сразу после ее освящения. Считалось, что купание в «ердани» делает человека крепким и здо-

ровым, избавляет от болезней, снимает грехи. Особенно необходимо оно было для тех, кто «бегал в Святки страшными ряжеными». «Кто наряжается в святки, — говорили оренбуржцы, — тому надо обязательно купаться... Смыть надо всю эту чертовщину. Это у нас говорили в селе... Раньше родители говорили, что наряжались, то надо было обязательно в речку»³⁸. Обычай купания в проруби, исчезнувший в советское время, возродился на Южном Урале в последние пятнадцать лет, превратившись однако из обрядового действия в зимнее развлечение.

Крещенской водой многие хозяева до сих пор кропят дом, двор, хозяйственные постройки, домашних животных и птиц. По сохранившимся представлениям, это делается с очистительными целями. Пожилая женщина из села Селезьян рассказывала: «Святую воду брали обязательно, и потом, когда принесут эту воду, везде дом опрыскивали, начиная с переднего угла, в каждый, в общем, сколько углов есть в доме, каждый угол надо опрыскивать. Ну, как вроде это освятить чистой водой дом. Все, что вроде бы накопилось, — это же в году только один раз бывает, — все, что за один год накопилось, освятить»³⁹. Кроме того, наши современницы считают также, что это надо делать для благополучия дома и здоровья, находящихся в нем людей и животных: «Принесем эту святую воду, вот этой святой водой пойти и в сараях везде попрыскать, и в доме все покропить этой водой, и в курятник, и напоить скот этой святой. Эта вроде святая, святая вода всем здоровья придает»⁴⁰.

До сих пор сохранился обычай рисования в этот день крестов на оконных рамах и дверях жилого помещения, хозяйственных построек, бань. Местные жительницы до сих пор объясняют это стремлением оградить дом, воду колодцев от нечистой силы или, по словам старообрядцев, от «бесовского посещения»⁴¹.

Мясоед

Сразу же после Крещения начинался рождественский мясоед, который длился до Масленицы. Он назывался так потому, что в этот зимний месяц кололи скот, и в каждом доме на столе было много мясной еды. Мясоед был главным в году свадебным сезоном, поскольку это время было свободно от сельскохозяйственных работ и имелось много хорошей еды, чтобы устроить свадебный пир «на славу». Каждый день этого месяца в станицах и селах играли свадьбы, участниками и зрителями которых были фактически все жители села или станицы. Молодожены и сосватанные пары катались по воскресеньям и праздничным дням на лошадях, показывая себя гуляющим по улице односельчанам. Последнее воскресенье перед Масленицей называлось заговенье. В этот день

в старину во всех домах варили огромное количествопельменей, которые семья съедала за ужином. Хозяйка дома, подкладывая в общую миску новые порциипельменей, приговаривала: «Кушайте, кушайте досыта — ведь завтра ужепельмешков не дадут, наедайтесь на весь пост»⁴². Разговление мяснымипельменями было у казаков, по выражению А. И. Кривощёкова, «давнишним, освященным веками обычаем, свято соблюдающимся и доньше»⁴³. В казачьих станицах этот обычай сохранялся еще после Отечественной войны. Казачка из села Рассыпное Оренбургской области вспоминала: «Вот заговенье — это напельмени зовут».

Масленица

Масленица (Масляна, Масляная, Маслицкая неделя, Сырная неделя) считалась большим праздником. Она отмечалась за 56 дней до Пасхи и маркировала в народном календаре границу между зимой и весной. Это был традиционный праздник, его широко отмечали все русские в течение недели, однако, самыми важными были дни, начиная с четверга по воскресенье. В дохристианские времена Масленица была приурочена к дням весеннего равноденствия и отмечалась во второй половине марта. После появления в христианском календаре праздника Св. Пасхи и предшествующего ей Великого поста языческая Масленица была отодвинута на более раннее время, на период со второй половины февраля до второй половины марта.

На Южном Урале Масленица была любимым празднеством во всех селах, горнозаводских поселках, казачьих станицах. Ф. М. Стариков, оренбургский краевед, в 1891 г. писал: «Масленица — самый разгульный зимний праздник, справлявшийся повсеместно, и в нем участвуют все, без различия пола и возраста»⁴⁴. Наши современники также вспоминают Масленицу как любимый праздник: «У нас, казаков, самый лучший праздник был — это Масляна, и при колхозе это было, и единолично, как это при казаках было, и до перестройки при советской власти устраивали Масляну. Только не называли Масляна, а называли „Проводы русской зимы“»⁴⁵. О том, что Масленица праздновалась и празднуется во многих селах Южного Урала до сих пор, говорили и другие наши информанты. Житель горнозаводского города Нязепетровска Челябинской области рассказывал: «Масленицу и раньше праздновали и сейчас празднуют, наверное, никогда она не перетухала»⁴⁶.

В XIX — начале XX в. на Южном Урале, как и во многих других русских регионах России, наиболее заметными эпизодами Масленицы были обильные застолья, катание на лошадях, запряженных

в сани, чествование молодоженов, карнавальные шествия ряженных, разжигание костров, кулачные бои и игра «Взятие снежного городка».

Застолья. Характерной чертой Масленицы на Южном Урале аналогично всей России в прошлом были обильные застолья с блинами. Ф.М. Черемшанский, рассказывая в середине XIX в. о жителях Оренбургской губернии, отмечал: «К Масленице обыкновенно в каждом доме делаются огромные запасы разных разностей: пива, вина, съестных припасов — и в это время пьют и едят напропалую. Старики, пожилые и молодые мужчины, женщины ходят из двора во двор — с утра до поздней ночи — и угощаются до пресыщения»⁴⁷. Вплоть до конца 1930-х гг. обильные застолья с блинами, пирогами, булочками, различными блюдами из творога, яиц, масла, а также с пивом, брагой, вином; постоянная еда с раннего утра до позднего вечера званых и незваных гостей были главной особенностью Масленицы, смыслом праздничного времяпрепровождения. Уральцы объясняли необходимость обильных застолий стремлением наесться на весь длительный Великий пост с его судной пищей. Однако корни этого обычая лежали, как считают ученые, в древних, еще языческих представлениях о том, что изобилие пищи в момент весеннего пробуждения природы обеспечивает изобилие и богатство, стимулирует плодородие полей и тем самым становится залогом сытой жизни в течение всего года.

Во второй половине XX в., как отмечали наши корреспонденты, масленичные застолья с гостями продолжались, хотя и не столь обильные как в прежние времена. Вот как они проходили в селе Киндели Оренбургской области в 1960-е гг.: «Сидят у самовара, блины обязательно стоят, пирог с рыбой испекут. Я сегодня тебя позвала, завтра — ты меня, послезавтра — ещё кто-нибудь, и всю неделю вот так, сколько человек, вот так сидят, рюмочку поставит, по рюмочке выпьют, поют, поют, опять чайку попьют. <...> Обязательно делали лапшевник или пшенник. Кашу пшенную сварит, а потом на сковородку положит её, яйцами заливают, в печку ставят, а потом её так режут, на стол ставят, сливками заливают. Вот пирог, блины, самовар там, рыбу. Вот там, целый день и сидят, а уж блины — это обязательно, раз Масленица, то блины и самовар конечно»⁴⁸. В наши дни столь длительных застолий уже не существует. Однако на Масленицу фактически в каждом доме пекут блины, которыми угощают зашедших в дом родственников. Пожилая женщина из Нижнего Уфалея Челябинской области рассказывала: «Я в Масленицу очень много блинов

пеку. Мне кажется, что многие тут Масленицу справляют. Верят, не верят, но какая-то искорка ведь есть или может быть обычай остался от родителей, поэтому справляют — блины пекут. Маслену неделю справляют»⁴⁹.

Катание на лошадях. Уральцы старшего поколения, вспоминая Масленицу или передавая рассказы родителей, с удовольствием также рассказывают о катании на лошадях, запряженных в сани. «На лошадях катались, украшали их, даже вот несколько лет тому назад это было, я помню. А сейчас лошадей не стало. А то лошадь вся в бубенчиках, навешают, и кто сидит там, в кошёвке, в гармонии играют, орут песни», — с ностальгией рассказывала нам пожилая женщина из городского поселка Миньяр Челябинской области⁵⁰. Катание в разных селах начиналось обычно в четверг или в пятницу и длилось до субботы или до полудня воскресенья. В сани обычно запрягали пару жеребцов, дуги которых украшали ленточками, обматывали полотенцами или платками, в гриву вплетали ленточки, на шею вешали бубенцы. В сани, вмещавшие от шести до семи человек, клали сено или солому, покрывали сверху «конёвкой» — покрывалом из плотной ткани или половиками. Вот, например, как описывали нам масленичный выезд в селе Краснохолм Оренбургской области: «Лошади все украшены на Масляну цветами. Цветы делали с бумаги. А сбруя была такая: хомут и шлея там желтенькие, такие бляшки наделанные. А лошади, передние ноги, обвязывали белым. Она бежит, „белоногая” называется. А санки-то да ковры, штоб с санок свисали»⁵¹. Катания проводились как в своем селе, так и в соседних селах, расстояние до которых иногда равнялось 20–30 км. У оренбургских и уральских казаков составлялось расписание катаний по поселкам, входившим в состав станицы. Последний день катаний происходил в самой станице и собирал катающихся из всех поселков.

Катание начиналось утром и длилось обычно три-четыре часа. Оно проходило по главной улице села и вокруг него, рядами, по две-три повозки в ряду, в определенном ритме. Участниками катания были семейные пары с взрослыми детьми. Женатые пары катались обычно недолго. Передав лошадей сыновьям, они отправлялись в дома родственников, где их ждало праздничное застолье. Парням, получившим лошадей, полагалось приглашать для катания девушек, стоявших небольшими группами около домов. В селе Архиповка Оренбургской области женщины рассказывали нам об этом так: «Лошадей украшали, на дуги вешали ленты. Лошадь покрывали вышитыми кошмами... Это вот на Масленицу, девок катать. Вот ребята запрягают своих жеребцов,

у отца с матерью берут, и подъезжают. Ага! щас мы с тобой ждем наших кавалеров. Приезжают. И мы вот, 3–4 подруги, садимся в возок, и с колокольчиком»⁵². Если же парень катал в санях только одну девушку, то это было знаком для всех, что он собирается к ней посвататься или уже посватался. Некоторые парни, посадив свою невесту в сани, устраивали друг с другом гонки, чтобы продемонстрировать перед ней и всеми односельчанами, насколько хороши их лошади, считающимися главным после зерна богатством дома.

В воскресенье или в субботу, когда катания заканчивались, парням полагалось «Масленицу заметить» — кататься на санях «шворот-навыворот», то есть в противоположную сторону по сравнению с тем, как катались все эти дни. «Выметали Масленицу» вениками, привязанными к задку саней и волочившимися по снегу.

Чествование молодоженов. Во время масленичных катаний на Южном Урале существовал также обычай представления сельскому сообществу просватанных девушек и молодоженов, вступивших в брак в осенний и зимний мясоед. Девушка, просватанная на зимнем мясоеде, тихо сидела «всем на показ» в быстро мчащихся санях, а ее подруги, стоя рядом с ней, громко пели и плясали, общаясь всем, что едет невеста. Молодоженам, полагалось кататься спокойно и с достоинством, кланяясь всем приветствовавшим их людям. Каждый из односельчан мог их остановить и поздравить. За санями иногда бежали зрители с криками: «Вот молодая, вот молодая». В пятницу же масляной недели молодожены, накатавшись, отправлялись к матери молодой, где толпилось множество народа, желавшего на них посмотреть. В последний день Масленицы молодоженам полагалось объезжать всю родню, где их обязательно угощали.

Интересное катание молодухек устраивалось в станице Краснинской Челябинской области в 1920-е гг. Все молодухи «хорошо, красиво одетые, в цветных платках, поверх пальто завязанных» садились верхом на лошадей и едут ровными рядами по центральной улице станицы, распевая казачью песню:

Вдоль до по бережку,
Вдоль до по крутому,
По желту песку,
До по сыпучему.
Ой, до люли — люли
До по сыпучему.
Мы пойдем, братцы,
Да во Казань — гору,

Во Казань — гору,
Да во Россеюшку.
Все споженимся,
Ой, да люли — люли,
Все споженимся.
Мы возьмем, братцы,
Да сел Воршатских,
Да сел солдатских,
Ой, да люли — люли,
Да сел солдатских⁵³.

Традиция выставления на показ молодоженов, предъявление их обществу была общерусской⁵⁴. Также был широко распространен обычай «солить молодоженов», зафиксированный нами во многих селах Оренбургской и Челябинской областей. После того как заканчивались катания, молодоженов вытаскивали из саней и, несмотря на их сопротивление, валили в сугроб и закидывали снегом под общий радостный смех присутствовавших. В поселке Краснинском «солили молодоженов» еще в первое десятилетие XXI в. Информант рассказывала: «Да в прошлом годе свадьба как раз была, так их потом в Масленицу в снегу наваляли»⁵⁵. Смысл этого обычая был давно забыт. В конце XX — начале XXI в. это масленичное действие рассматривалось как веселая игра: «Это игра такая», «так положено», «весело». В далеком же прошлом этот ритуал носил очистительный и испытательный характер.

Кроме обычая чествования на Масленице молодоженов в некоторых селах Южного Урала был известен обычай осуждения молодежи, не вступившей в брак в положенное время. В некоторых селах Оренбургской и Челябинской областей родителям парня или девушки, «пересидевшим свой возраст», вешали на шею «колодку» — бревно или пест от ступы и заставляли их в таком виде ходить по селу. Снимали колодку только после получения выкупа. Наши информанты, рассказавшие нам как это проходило лет десять тому назад в селе Краснохолм Оренбургской области, воспринимали этот обычай как шутку, забавное развлечение⁵⁶. Однако, в более раннее время в XIX — начале XX в. этот обычай рассматривался как наказание родителям, не сумевшим выполнить свой долг: женить парня или отдать дочь замуж. Вмешательство односельчан в семейные дела объяснялось тем, что, по поверью, безбрачие молодежи могло оказать вредное влияние на природу, привести к неурожаю и другим бедам⁵⁷. Наряду с этим на Урале был известен и магический способ прекращения безбрачия «засидевшихся парней и девушек». Во время масленичного катания в сани к парню, не сумевшего сосватать себе во время мясоеда не-

весту или к девушке, отказавшей в сватовстве нескольким парням, сажали соломенное чучело. Считалось, что после катания с такой «брачной парой», девушка выйдет замуж, а парень женится⁵⁸.

Катание с гор. Любимым развлечением парней и девушек на Масленице было катание на санках с гор. Для этого на крутом берегу реки или озера из снега устраивалась «катушка» — горка высотой около 2–3 м со спуском вниз, к ровной площадке — току на льду водоема. Снег на катушке разравнивался и заливался водой. Горку, спуск и ток огораживали небольшими елочками, вешали фонарики, флажки, благодаря которым она приобретала праздничный вид. Катание начиналось обычно в среду: утром на катушку приходили дети, а во второй половине дня часам к четырем-пяти сюда собиралась молодежь с санками и ледянками — досками, тазиками, старыми невысокими корзинками, дно которых было покрыто толстым слоем льда. Парни катались обычно на санках, а большинство девушек на досках-ледянках. Главной забавой парней было вытащить во время движения из-под девушки доску, чтобы она кувырком катилась вниз под радостный хохот присутствующих. Внизу же спуска на девушку наваливалась толпа молодежи и получалась большая куча мала, из которой раздавался смех, визги и радостные крики. Каждый парень считал своим долгом покатать девушку на санках. Она садилась к нему на колени вполоборота, и санки с большой скоростью мчались к реке. Для парней же особым шиком считалось съехать с катушки «вперегонки». Это происходило так. Несколько парней становились друг за другом, придерживая санки с левой стороны. По сигналу они разбегались по спуску и на его середине быстро садились в сани. Если кто-то не успевал впрыгнуть в санки, то на него наезжал следующий за ними катальщик. Санки летели с большой скоростью, и требовалось большое умение и ловкость, чтобы не сорваться со спуска и не натолкнуться на вал снега, огораживающий ток. По словам А. И. Кривощечкова: «Неудержимый хохот, раскрасневшиеся, весело оживленные лица, шум и треск быстро несущихся саней, гик парней и взвизгивание катящихся девиц — вот общая картина казачьей катушки»⁵⁹.

Для детей на льду реки или озера ставилась еще «круглая катушка». В лед вбивали толстый столб высотой около полутора метров. На него надевалось горизонтально к земле тележное колесо, на которое закрепляли с двух противоположных сторон две жерди: толстую и длинную, с привязанными на ее конце санками, и короткую. Желающий покататься садился на санки, несколько человек брались за короткую жердь и начинали крутить колесо,

которое приводило в движение санки. Катание с гор на Масленицу было известно во всех селах и станицах Южного Урала. Память об этом веселом времяпрепровождении молодежи сохранилось до сих пор, хотя сами катушки исчезли к началу 1950-х гг.

Кулачные бои. Одним из масленичных развлечений мужчин были кулачные бои, называвшиеся в селах «кулачками». Их проводили обычно вечером в четверг, пятницу, субботу или утром в воскресенье. Битва происходила между двумя партиями — представителями разных концов одного и того же села. Её участниками были парни и мужчины не старше 60 лет. От обычной драки она отличалась тем, что бойцы сражались только кулаками. Использование палок, кольев, тростей, кастетов, ножей было категорически запрещено. Бойцы обычно встречались на мосту, в логу или на пустыре, на границе между двумя концами одного села. Битву обычно начинали подростки 12–13 лет. Потом в нее включались парни постарше. Как рассказывал участник таких «кулачков» из села Софиевка Оренбургской области: «Пошли старшее и выше... ну, а сигнал какой: „Начнём шуметь?“ — „Давай, пошли“. И бились только в рукопашную. Ни у ково ножей нет. Вот маленькие дерутся, а постаршее постепенно вливаются: потом побольше заходят, побольше... А маленькие, где уж им — они уходят, а тут уже мужчины»⁶⁰. Победителем считали ту партию, которой удалось отогнать противника на 200–300 м от первоначальной границы. Судя по воспоминаниям стариков, «кулачки» были только до Великой Отечественной войны. По словам нашего информанта, в послевоенное время их уже не устраивали, потому что «и так за четыре года навоевались». Обычай масленичных кулачных боев, как считают этнографы, очень давний. В языческие времена это было ритуальной игрой, символизировавшей борьбу двух начал (добра и зла, зимы и лета), которая совершалась обычно на рубеже календарных сезонов.

Взятие снежного городка. В казачьих станицах и поселках в XIX — первой четверти XX в. во время Масленицы была очень популярна военно-спортивная игра «Взятие снежного городка». Она проходила в последний день Масленицы и собирала множество зрителей. Накануне воскресенья на церковной площади станицы или на пустыре за околицей строился из снега городок. Он представлял собой сооружение, формой напоминающее стог сена с острой вершиной, высотой до 6 м, а в диаметре у основания от 2 до 3 м. Стенки городка примерно на две трети высоты были совершенно гладкие, без каких-либо даже самых маленьких

уступов. На острой вершине развевался флаг. Городок окружала крепостная стена из снега высотой от 1,5 до 2 м. Это была главная крепость, ее осаждали и защищали взрослые молодые казаки. На некотором расстоянии от нее строился такой же городок, но меньших размеров, который должны были взять штурмом подорожки-казачата. Яркое описание сражения за городок дали оренбургские краеведы: Н. Ф. Савичев, наблюдавший «Взятие снежного городка» в 1860-е гг.⁶¹, и А. И. Кривошѣков, свидетель игры, проходившей в первом десятилетии XX в.⁶² По их словам, участники игры были поделены на два войска: одно должно было защищать крепость, другое — брать ее штурмом. Игра начиналась с шествия участников состязания, разодетых турецкими пашами, арабами, рыцарями. Они ехали верхом на конях в стройном боевом порядке с развевающимися знаменами и шашками наголо. Во главе воинства на красивом коне ехал генерал, по словам Н. Ф. Савичева, он был «в эполетах, очень искусно сплетенных из соломы, в звездах и орденах из фольги, в ленте из розовой бумаги (в которую завертывают чай); старая аудиторская шляпа с плюмажем собственного изделия покрывает голову героя. Позади генерала ехал знаменщик, который нес полковое знамя — пестрый платок, прикрепленный к пике»⁶³. За конными всадниками пешим строем шли казачата, вооруженные острыми колышками, с помощью которых они должны будут забраться на городок. Воинство разбивалось на две партии: защитники крепости и штурмующие ее. Защитники отправлялись за «крепостные стены», где у них стояла старинная медная пушка, были ружья, стрелявшие холостыми патронами, и «снежные снаряды». На вершине городка сидел, свесив ноги и ухватившись за древко флага, «сам турецкий паша» в пестром бухарском халате, в белой «чалме» из полотенца, намотанного вокруг шапки, наблюдая за действиями противника. Штурм начинался по сигналу трубача. Штурмующие бежали к крепости, стараясь пробить брешь в «крепостной стене». Защитники стреляли из пушки и ружей, кидали в нападавших комья снега, сталкивали со стен. Если стены крепости удавалось разрушить, то начиналась главная часть битвы: штурм городка. Казаки лезли по крутым гладким стенам городка, чтобы захватить знамя, развевающееся на вершине. Для этого использовались заостренные палки, которые втыкали в стены, чтобы можно было, ухватившись за них, подтянуться на руках. Одновременно носком сапога делали в стене отверстие, чтобы иметь возможность поставить ногу. Подъем был труден — стенки городка ровные и гладкие — казаки скользили вниз, падали, поднимались, снова лезли, стараясь добраться до вершины. Игра заканчивалась, когда

удавалось захватить знамя и с позором прогнать «турецкого пашу».

После небольшого перерыва зрители отправлялись смотреть на «Взятие снежного городка» казачатами. Краевед Ф. Т. Стариков описал детский вариант «Взятия снежного городка» так: «Каждый стасается первым взобраться на вершину городка, где уже стоит поселковый казначей с призами и гостинцами. Однако здесь ребят ожидает искушение. Едва они облепили город, едва столпились у его подножья, как сверху на них посыпался целый дождь конфет и пряников. Это казначей сладкими пустяками смущает детские души. Многие бросились подбирать, но этим моментом воспользовались более опытные и с удвоенной энергией принялись работать руками и ногами, взбираясь все выше и выше к главной цели. Наконец, голова одного показалась над площадкой городка, и через секунду сюда вскочил малыш и с сияющим от восторга лицом протянул руку к казначею: „Пожалуйте, первый приз!“ Представление окончено. Все покидают площадь. Впереди с песней едут казаки, которые взяли городок, за ними также с песней идут казачата, окружённые толпой и чувствующие себя героями»⁶⁴. По мнению учёных, эта военная игра была распространена еще в XVIII в. Особой популярностью она пользовалась в городах и больших селах Сибири среди служилых людей. От них она, вероятно, попала и на Южный Урал к оренбургским и уральским казакам⁶⁵. В 1920-е гг. «Взятие снежного городка» осталось только игрой для подростков⁶⁶. В наши дни жители казачьих станиц уже не помнят об этой зимней игре.

Скачки и джигитовка. В Масленицу у оренбургских и уральских казаков устраивались обычно скачки на лошадях, состязания по владению шашками и пиками, а также джигитовка. Обычно состязания проходили рано утром перед «Взятием снежного городка»⁶⁷. Для скачек устраивали круг около 3 км в окружности, обведенный разноцветными флажками. Скачка, в которой принимало участие 20–30 всадников, начиналась по сигналу трубача, затем следовала команда: «Шагом, марш», за ней «Рысью, марш» и, наконец, раздавался сигнал: «В карьер, марш, марш!» Победителя скачек встречали радостные крики зрителей.

После скачек устраивались состязания, в которых надо было показать умение брать препятствия, владеть шашкой и пикой. На дороге расставляли несколько барьеров и чучел в рост человека, сделанных из лозы и соломы. Всадники должны были взять препятствия на всем скаку: пронзить пикой чучело, после этого необходимо было отрубить шашкой голову чучела. Затем приступали

к джигитовке. Самым простым трюком считался такой: казак на полном скаку за три-четыре минуты, держась за луку седла, спрыгивал на землю и снова вскакивал в седло. Кроме этого трюка было и множество других, например «ножницы», когда всадник на полном скаку переворачивался в седле, оказавшись лицом к хвосту лошади, а затем возвращался в первоначальную позицию. Однако самым сложным номером джигитовки был заключительный, называвшийся «доставание земли». Всадник на полном скаку должен был наклониться из седла вниз головой так, чтобы рукой достать до земли. Иногда этот трюк усложнялся. Всадник должен был не просто дотронуться до земли, но схватить с земли брошенные зрителями небольшие узелки с деньгами.

Шествие ряженных. Характерной чертой масленичной обрядности на Южном Урале было шествие ряженных — своеобразный карнавал, участники которого разыгрывали небольшие театрализованные сценки. Шествие особенно характерно было для казаков и горнозаводских рабочих. Карнавал проходил в субботу или воскресенье масленичной недели и представлял собой яркое зрелище, собиравшее множество народа, как участников, так и зрителей. Считалось, что карнавалом провожали Масленицу.

Описаний карнавалов второй половины XIX в. — начала XX в. сохранилось довольно мало, но они дают возможность оценить их как яркое зрелище, полное выдумки и веселья. Вот, например, как описывает корреспондент Уральских войсковых ведомостей Н. Ф. Савичев (1820–1885) карнавальное шествие казаков в середине XIX в. Судя по рассказу, во главе карнавального шествия двигался корабль. Он был устроен из нескольких саней, соединенных широкими подмостками, на которых находились музыканты и ряженные — «разные маски», которые пели и веселились. В центре подмостков возвышалась мачта, к которой было прикреплено колесо. На колесе стоял мужчина, одетый в старинный женский костюм и головной убор. Он размахивал широкими рукавами в такт музыке. По словам корреспондента, «эта фигура олицетворяла собой праздник Масленицы». За «кораблем» двигалась огромная толпа пеших и конных людей⁶⁸. Народная фантазия отличалась изобретательностью и богатством в придумывании карнавальных развлечений. В некоторых станицах уральских казаков, основным занятием которых было рыболовство, карнавальная сценка представляла собой ловлю рыбы. Два рыбацких челна привязывали к хвостам двух лошадей. В каждом челне сидели по одному старику — харюшке. Они, погоняя лошадей и одновременно раскидывая по земле ярыгу — плавную сеть, изображали

ловлю рыбы. Один из молодых казаков, наряженный горбуном, бросался в сеть, изображая осетра. Он барахтался, кричал, делая вид, что не может из нее выбраться

Другим вариантом маленького карнавального спектакля был такой. На дровнях, запряженных быком, ехали казаки, переодетые стариком и старухой. Старуха — это Масленица, которая живет в ладу со своим мужем стариком. Другая старуха сидела верхом на быке, который вез дровни, и изображала свекровь, которая старалась поссорить «любезную чету»⁶⁹. Все тексты этих маленьких спектаклей были импровизацией актеров, а их остроумие зависело от таланта исполнителя. Судя по этой довольно скудной информации, ряжеными в карнавалах были по преимуществу мужчины. Парни, девушки, женщины были зрителями.

Шествия ряженных, разыгрывавших такие небольшие сценки, были еще в конце 1960-х гг. О них рассказывали фольклористам и этнографам местные жители. Так, в 1979 г. в поселке Каленый Чапаевского района Уральской области сообщали о том, как на Масленице запрягали в сани верблюда, ставили на них будару (лодку). Мужчины садились в будару и принимались «грести» веслами, а женщина садилась на верблюда, погоняя его идти вперед. Все заканчивалось тем, что мужчины опрокидывали сани вместе с бударой, вызывая смех зрителей⁷⁰. Довольно много записей масленичного ряженья было сделано во время экспедиций Российского этнографического музея в Челябинскую и Оренбургскую области в 2002–2012 гг. Казачка из села Арси Нагайбакского Челябинской области рассказывала, что на санях, запряженных лошадьми, делали площадку из досок, на которой сидели люди и делали «кто чё могли»: кто дрова пилил, кто прятал на самопрялке, и при этом распевали песни под гармонию⁷¹. В старинной казачьей станице Рассыпная Илекского района Оренбургской области молодые женщины, надев на себя вывороченные мехом наружу шубы, катались по станице, распевая песни, в долбленом корыте, запряженном верблюдами. В станице Болдырево Ташлинского района Оренбургской области женщины, нарядившись цыганками и надев на себя шубы мехом наружу, катались с песнями на санях, где кипел самовар. Шествия ряженных устраивались и в горнозаводских поселках, основанных в конце XVIII в. В городе Нязепетровске, например, можно было наблюдать такую сценку. Женщина, одетая «в татарскую униформу, копейки какие-то были пришиты», садилась в сани, между ног ставила лукошко, в лукошко сажала петуха, пила брагу и поила ею петуха: «Сама брагу пьет, петуху подает. Петух во всю пьёт»⁷². Однако, в 1960-е гг. таких сценок было уже довольно мало. По улицам «провожали Масленицу»

ряженные в цыгана, милиционера, медведя, надевали старинные юбки, лица мазали сажей и с шутками проходили по селу. После чего заходили в дома, где уже было приготовлено застолье. Следует заметить, что ряженными ходили в отличие от более раннего времени, в основном, женщины.

Такое глумление над Масленицей во время ее проводов воспринимается нашими современниками как забавное развлечение — «смеха ради». Однако, в древности оно представляло собой магическое действие, направленное на обеспечение своей безопасности от вредоносного для природы и людей начала: зимы и смерти. Предполагалось, что насмешка над силами зла поможет человеку быстрее от них избавиться.

Костры. Еще одной формой проводов Масленицы на Южном Урале было зажигание пурыны — костров — в последний день масляной недели. Информант из села Кардаилово говорил нам: «Вот, костры в тот день жгли — Маслену провожали». Разведение костра во многих уральских селах часто называлось «жечь Масленицу», а иногда «жечь блины» — символ Масленицы: «Блины жгут — это Масленицу жгут».

В некоторых районах Южного Урала костры были общесельскими. Их устраивала молодежь на высоком берегу реки или на сельской площади. Костер складывали из дров, которые собирали по всему селу, и обязательно добавляли солому. Информант из села Нижняя Павловка Оренбургского района рассказывал: «В Масленицу обязательно костёр жгли посреди улицы, тогда солому таскали, называли эту солому „объедки“, а сейчас болонь жгут машинные, их prepares братва [подростки, молодёжь мужского пола], поставят, зажгут, и они горят всю ночь. А молодёжь вокруг бегают, толкается, веселится, кидает друг в друга снегом. Прыгает через костёр, кто умеет, хулиганят. Это в последний день Масленицы костёр жгли. Всё было и сейчас есть»⁷³. В селе Тюлюк Катав-Ивановского района Челябинской области: «Жгли костры, жгли. За селом, вот, кругом жгли, натаскают дров... <...> Стоят у костра, стоят, пляшут, гармонь играет, во и все. Песни всякие пели, и пригудки, и долгие, всякие пели»⁷⁴.

Однако на Южном Урале были больше распространены, судя по нашим материалам, так называемые семейные костры. Каждая семья зажигала свою пурыну на огороде или у ворот дома. Топливом была обычно солома, которую называли объедки, то есть остатки, что осталось к весне от подстилки скоту.

Наряду с разжиганием костра в каждом доме делали также одно или несколько чучел из соломы. Они могли быть большими

или маленькими и выглядеть по-разному. Это могла быть большая кукла из жерди с перекладиной, на которую намотана солома. Наиболее яркое описание масленичной куклы было сделано информантом из села Нижняя Павловка Оренбургской области. По его словам, «шили комбинезон, половину красный, половину белый <...> набивали соломой его, на палку. На голову надевали ведро. Сейчас надевают чё, а раньше ведро надевали; белым материалом обделают „лицо“: доска, а суды [наверх] она вострым делалась. И вот эту доску — белым [обматывали], рисовали глаза, нос рисовали — всё углем, топили которым печку»⁷⁵. Наряду с большим чучелом делали также маленькие куколки из соломы: «сверху, здесь перевязана, а там пошире — капушечкой», которые отдавали детям.

Большое чучело ставили на улице у ворот, а маленькими куколками играли дети. В Мирошкино Оренбургской области рассказывали: «Сделают из снопа прям как человека и на Масленицу пацаны сделают нам куклы. Мы таскаем по всему селу эту куклу, и мы таскаем, пацаны, ребятёшки. Которые ребятёшки у нас отымут, зароят. Это всю Масленицу этих кукол таскают»⁷⁶.

Вечером, когда разжигали костер, бросали в него и чучело, стоявшее у ворот, и маленьких куколок. Вокруг костра бегали дети, пели и плясали собравшиеся гости, бросали в него оставшиеся от застолья блины. Молодежь прыгала через костер. «Чучело сожгли, костер потух, гости разошлись» — Масленица закончилась. На следующий день начинался Великий пост, который длился 49 дней и заканчивался перед главным христианским праздником — Св. Пасхой.

Весенние праздники

Весенний период народного календаря начинался около дня весеннего равноденствия, которое приходилось на 21 марта. Это было время, когда, по народным представлениям, природа пробуждалась от долгого зимнего сна. К признакам весны относили прилет птиц, появление животных, прячущихся на зиму, снеготаяние, капель, подтаивание земли вокруг деревьев, появление первой зелени. В весеннее время проводилось много обрядов, которые отмечали начало весны, ее середину и завершение ве-

сеннего времени. Все они были посвящены весеннему возрождению природы.

Обряды начала весны

Начало весны приходилось на март — начало апреля месяца. Обряды, которые в это время проводились, были направлены на встречу весны, заботу о будущем урожае и благополучии людей.

Сороки. Обряд встречи весны в селах Южного Урала проводили в день памяти Сорока мучеников (9/22 марта), который обычно называли «Сороками». В этот день пекли из теста птичек, называя их жаворонками (жавороночками, жаворяточками), изредка — куликами, а в песнях — жавороночками, перепелочками/перепелушками, жаворонушками, воробушками. Считалось, что их изготовление будет способствовать прилету птиц, вслед за которыми и должна придти весна. Пожилая женщина из села Студёное Оренбургской области говорила: «22 марта жаворонки прилетают. Вот и пекём».

Жаворонков в начале XX в. выпекали из пресного пшеничного теста без добавления масла или какой-либо другой сдобы, объясняя это запретом на скоромное в Великий пост, на время которого приходились Сороки. В последние десятилетия XX в., как и в наши дни, в тесто добавляют простоквашу, масло или маргарин, а также растопленное сало, мотивируя это тем, что «сдобненькие, мягенькие» жаворонки больше нравятся детям. Способов формовки из теста птичек было несколько. Сначала делали овальную лепешку, с одного конца которой оставляли немного нераскатанного теста, а из него делали головку птички с острым носиком. Хвостик вытягивали с противоположной от головки стороны. По бокам ножом наносили на тесто черточки, изображавшие перья на крылышках птицы. Можно был сформовать жаворонков и по другому: свернуть тесто в короткие валики — «стёжечки», переплести их жгутом и прилепить на его противоположные концы головку и хвостик, а затем сделать по сторонам жгута косые нарезки — крылышки. Глаза жаворонкам делали из ягод калины, зерен гречихи и проса, изюма или кусочка конфеты. В казачьем селе Бородинское Оренбургской области на спину птичке прилепляли гнездышко с яичками: «Сзади сделают ей как гнездышко. Яички ей накают, гребечошка сделают, в глазки гречку воткнут»⁷⁷. Перед посадкой жаворонков в печь их обсыпали мелко наколотой карамелью, поливали водой с сахаром или медом, чтобы птичка имела блестящую поверхность.

Жаворонков обычно давали детям. Они, выбежав на улицу, поднимались на какое-нибудь высокое место: крышу сарая, повети

или дома, на забор и, размахивая жаворонком, громко кричали. Считалось, что жаворонки, услышав крики детей, ускорят свой прилет.

Призывы жаворонков могли совершать также в виде специальных, утвержденных традицией, рифмованных закличек, в которых раскрывался смысл обряда: «Жаворонки прилетите к нам, красно летичко [красну весну] принесите нам». Некоторые из них имели более развернутый текст, в котором шли жалобы на зиму с ее невзгодами:

Жаворонушки! Мои матушки!
Прилетите к нам! Весну принесите!
Солнца яркого, дождя теплого!
Травки зеленой, хлебушка мягкого!
Жавороночки! Прилетите к нам!
Принесите нам весну-красну.
Весна красная, на чем пришла?
На сохе, на бороне, на кривой лошади.
Нам зима надоела, весь корм поела,
Всю солому пожрала!⁷⁸

***

Живор, живор, живоронки,
Прилетите, красно лето принесите,
А зиму-то унесите,
Нам зима-то уж надоела,
Все сено поела,
Ручки, ножки познобила,
Скотинушку поморила.
Весь хлеб поела,
Все сусечки подмела,
Сама по миру пошла!⁷⁹

Поверье о том, что жаворонки приносят весну, сохранялось среди уральцев почти до наших дней. В селе Григорьевка Оренбургской области старая бабушка приказывала своей внучке: «Пеки, чтобы жаворонки позавали весну-красну... На сарай, бывало, залезем и кричим. Уже почти взрослые были, а надо так сделать, чтобы весна пришла». В селе Бородинске той же области бабушка, давая внукам жаворонков, наставляла: «Идите, кричите шибче, чтоб вас жавороночки слышали. Прилетят, значит, и лето быстро придет».

В Сорочи жаворонков использовали также и в ритуале поминовения усопших предков. Этот день в русской традиции считался поминальным днем, одним из череды весенних поминовений усопших предков. В казачьих селах со старообрядческим населением жаворонков давали детям в качестве «милостыньки». По

поверью, милостыня, поданная ребенку, быстрее дойдет до усопших предков, которые будут довольны заботой о них, проявленной живыми потомками. Обряд встречи весны с жаворонками, бытовавший в селах Южного Урала, имел много общего с обрядами у русских в селах Верхнего и Среднего Поволжья. Это не случайно, так как известно, что в XVIII — начале XIX в. заселение русскими Оренбургской губернии шло в основном из Волго—Окского междуречья и Среднего Поволжья. В то же время следует отметить, что оренбургский вариант ритуальных действий с жаворонками менее яркое, чем в селах Окско-Поволжской зоны⁸⁰.

Средокрестие. Вслед за Сороками во многих селах Южного Урала отмечался особым ритуалом день, называвшийся Средокрестие. Так называлась среда на Крестопоклонной неделе Великого поста, когда заканчивалась первая половина поста — «пост ломался». Этот день был для всех знаком того, что пост близится к концу, что по селам «идет» весна, что скоро можно приступать к пахоте и севу. Символом дня были хлебцы из пресного и дрожжевого теста в форме четырехконечного креста с равными сторонами. В старину эти хлебцы хранили до весенних полевых работ, во время пахоты их, разломав на мелкие кусочки, запаховали в землю, а во время сева разбрасывали вместе с зерном по полю. Однако во второй половине XX в. хлебцы использовались только для гадания о судьбе. Их выпекали по числу членов семьи и два три для поминовения усопших предков. В них запекали какие-либо мелкие предметы, символизировавшие «судьбу» человека: кольцо, монетку, зерно, уголь, щепочку, тряпочку и пр. Женщина из села Соболево Оренбургской области рассказывала: «Денюшки — значит ты богатый будешь. Если пшеничка — значит ты будешь хлебосол, всегда у тебя хлеб будет, будешь сеять хлеб, а уж щепочка попадет — нехорошо, умрешь»⁸¹. Утром блюдо с крестами ставили на стол и предлагали каждому взять по хлебцу и узнать «свой крест», то есть свою судьбу. При этом считалось, что каждый человек должен по примеру Иисуса Христа «его достойно нести». Обычай выпекать в этот день кресты был отзвуком церковного ритуала Крестопоклонного воскресенья, во время которого Животворящий Крест Господень выносили на середину храма, чтобы все постящиеся могли ему поклониться и укрепить свои духовные силы.

Вербное воскресенье. К праздникам, отмечающим весеннее возрождение природы, относится и любимый праздник русских людей Вербное воскресенье. Он отмечается за неделю до Пасхи

и значится в церковном календаре как праздник Входа Господня в Иерусалим. В основе обрядов этого дня лежат народные представления о плодоносящих, целебных и магически-охранных свойствах вербы. Верба символизировала быстрый рост, здоровье, жизненную силу и плодородие, защищала от стихийных бедствий, нечистой силы и болезни⁸².

На Южном Урале, как и по всей России, существовал обычай: рано утром, придя из церкви, будить детей, ударяя их ветками вербы и приговаривая: «Верба хлёт, бей до слез, до красненьких яичек», то есть до Пасхи⁸³. По поверью, это придавало им здоровье и силу. Взрослых ударяли по спине с приговором: «Верба хлёт, бей до слез, чтобы тебе не болеть, не болеть, не болеть!» — якобы излечивали от болей в пояснице, кроме того почка вербы, съеденная сразу после освящения, изгоняла из человека любую болезнь⁸⁴.

По народным поверьям, верба также защищала скот от гибели. Ее обычно втыкали под матицу в хлеву; подгоняли коров ветками вербы, когда их в первый раз весной выгоняли на пастбище, считая это надежным средством защиты от волков, медведей и лешего. Женщины объясняли: «Вот когда первый раз вгоняешь коровушку, и вот этой вербочкой ее постукиваешь. И вербочку эту потом подтыкали, где стоит коровушка в загоне — туда ее подтыкали — скоту, чтобы верба эта сохраняла коровушку»⁸⁵.

Считалось также, что верба дает скоту плодовитость. Хозяйка, отправляя на пастьбу овец, приговаривала, постукивая вербой: «Две пойдя, а на лето три приди»⁸⁶.

В народе считали, что верба хорошо защищает дом от врагов и нечистой силы, поэтому ее ветки вставляли в божницу, втыкали в дверной косяк и оконные рамы: «Вербочку надо вставить во входной двери, чтобы она как оберег», а также верили, что она предохраняет дом от пожара. Верба на божнице стояла в течение года до следующего Вербного воскресенья, когда приносили свежие ветки. Старые полагалось сжечь: «Так, это должны делать все, потому что это освященное, не должно это топтаться и валяться, где придется, надо сжечь»⁸⁷.

В наши дни на Южном Урале в Вербное воскресенье многие приносят вербу в дом, а в некоторых селах еще и сохраняются обычаи, с ней связанные. В поселке Нижний Уфалей Челябинской области нам говорили: «У нас ещё в Вербное воскресенье вербы обязательно ставят. Желательно вербу взять из церкви или принести свою на службу, освященную принести в дом. Вербу обязательно ставят. Съесть почку обязательно и веточкой вербы друг дружку по спине стучат, постягать надо, чтобы было здоровье. Это здесь, просто есть сейчас»⁸⁸.

Пасха — праздник середины весны

Главным праздником середины весны была Пасха, самый большой христианский праздник, Светлое Христово Воскресение, «праздник всех праздников», «торжество всех торжеств». По народным представлениям, Пасха открывала для человека и природы вход в новую, возрожденную жизнь. Она воспринималась как день всеобщей радости и обновления. Уральцы говорили: «Хороший это праздник Пасха, красивый». Этот праздник не имеет постоянной даты и отмечается в первое воскресенье после первого полнолуния, наступающего за днем весеннего равноденствия. Пасха празднуется восемь дней: с воскресенья до следующего воскресенья, называемого Антипасха (Фомино воскресенье, Красная горка). Празднование приходится на период с 22 марта/ 4 апреля по 26 апреля/ 8 мая. В наши дни Пасха празднуется только один день — воскресенье. Все жители Южного Урала считают необходимым отпраздновать этот день.

По словам нашего информанта: «Пасху праздновали у нас и сейчас празднуем. Вот, пока я жива, то буду праздновать и дети мои будут праздновать»⁸⁹. До сих пор в одном из уральских сел сохранилось поверье, что если не праздновать Пасху, то будет плохой урожай.

Представление о Пасхе как дне обновления нашло свое воплощение в пасхальном обычае обновлять свой дом перед Пасхой, надевать в этот день новую одежду, употреблять новую пищу и т.д. А. И. Кривошеков, рассказывая в начале XX в. о праздниках оренбургских казаков, писал: «В каждом доме, богатом и бедном, с особой заботливостью готовятся к встрече Светлого праздника: комнаты моют, белют, очищают; на столах стелют чистые скатерти, на полах новые половики домашнего изготовления»⁹⁰. Эта традиция на Урале сохранялась почти до наших дней. Пожилая женщина из села Никольское Оренбургской области рассказывала: «Перед Пасхой обязательно убрали все: потолки мыли, тогда ведь у всех стены скобленные были, стены скоблили, все-все, чтобы чисто было... А печку и голландку белили»⁹¹. В селе Арси рассказывали так: «Пасха в воскресенье была, должны были постирать в четверг, чистый он назывался, прибрать всё... В бане помойтса, и вот всё, чтобы перестирать, чтоб грязное белье не оставалось. А в Пасху снаряжаемся тогда, у кого что есть. В Пасху, ну, как вот мы пока небольшие были — нам платья, девчонкам, мальчишкам — штанишки, рубашонку нову обязательно. И вот нам мама покойница давала, сейчас же платки зовем, а раньше кокетками называли... И вот, в Пасху, в первый день дает нам новую кокетку-то: которые вышиты были, которые были с цвета-

ми, ну всякие были... Первый-то день в новых ходили, а потом — другие, на другой день»⁹².

Пасха русскими Южного Урала воспринималась как день всеобщей радости. Радуются не только люди, но и растения, животные, по словам одной из женщин, радуется ей даже солнце: «Вот и солнце радо! Это вот, говорят, солнце играет. Радо-радёхонько»⁹³.

В ночь на этот светлый праздник, как правило, никто не спал: шли в церковь, в молельные дома, молились дома, если церковь была далеко. Краевед А. И. Кривошеков писал: «В ночь под светлый праздник все взрослое население бодрствует. Любители украшают церковь разноцветными фонарями. Артиллеристы хлопочут у старой медной пушки: укрепляют ее на крестовинах вместо лафета, размеривают порох... Наконец, все готово: зажженные фонари размещены при входе и вокруг церкви, красиво выделяясь в темноте ночи. Двенадцать часов. Заблестел в темноте зажженный фитиль, и громко ахнула пушка. Почти одновременно с нею громко прозвучал первый удар колокола и непрерывною волною полились радостные, веселые звуки»⁹⁴.

Пасхальная пища. В обрядности праздника значительное место уделялось и уделяется сейчас скоромной пасхальной пище, особым пасхальным блюдам и разговлению после Великого поста. На Южном Урале, как и по всей России, к пасхальным блюдам относились крашеные яйца, кулич из пшеничного теста, паска (пасха) из творога.

Яйца в пасхальной мифологии Южного Урала прочно связываются с воскресением Иисуса Христа. В одной из легенд, рассказанных в селе Крестовка Оренбургской области, говорится: «Мама нам рассказывала, что жиды бегут и просят у мать-Марии: „Дай нам, пожалуйста, крашеное яичко“. Она говорит: “Скажите, Христос воскрес, тогда дам” И вот она им все не давала, пока они не сказали: „Христос воскрес“. И он воскрес!»⁹⁵ На Южном Урале яйца предпочитали окрашивать в красный цвет, потому что, по словам пожилой женщины из села Каратабан Челябинской области: «Иисуса Христа терзали и он пролил кровь»⁹⁶. Красный цвет получали при окрашивании яиц отваром луковой шелухи. Для того чтобы яйца были «рябенькие» в этот отвар с шелухой добавляли подсолнечное масло или мелко нарезанные кусочки стеариновой свечки. Яйца можно было окрасить и в зеленый цвет с помощью листьев березы, в желтый — травой серпух или травой солонец. По словам оренбуржцев, «Прямо траву ставишь в кипяток и кладешь туда яички — все ровненькие, такие хорошенькие,

лучше, чем лушными шкурками»⁹⁷. В наши дни яйца окрашивают также покупными пищевыми красителями или оклеивают картинками: «Покупают в магазинах листочки... там то крестик, то Боженька какая, маленькие такие наклейки»⁹⁸.

Яйца в старину красили обычно в Страстной четверг или в Страстную субботу, которую называли красильной. В наши дни этих правил не придерживаются, красят тогда, когда есть время, но чаще в субботу.

Куличи, которые в некоторых селах Южного Урала назывались паски/пасхи, пекли в «куличную» пятницу из сдобного кислого пшеничного теста. Они были круглыми и довольно высокими, украшенными сверху вылепленными из теста цветочками, птичками или крестом. Пожилая женщина из города Миньяр Челябинской области рассказывала: «Тесто сдобное ставишь, туда изюм, масло сливочное, муку берешь белую, хорошую, дрожжи, в формочку кладешь, а здесь, вот такой вот, из теста крестик. А сверху его кто как украшает — кто конфетами кругленькими, кто собьет яичко с сахаром — белой глазурью покроет»⁹⁹. Форма кулича повторяла форму артоса — хлеба в виде большой пасхальной недели и символизировал невидимое присутствие Иисуса Христа. В последние годы в селах Южного Урала вместо того, чтобы выпекать кулич дома, стали покупать его в магазинах.

Пасха из творога (сыр) в старину делалась в каждом доме. Рецепты ее приготовления были очень разнообразны. Обычно ее делали из творога, большого количества яиц, сметаны и сливочного масла с добавлением сахара и изюма. Пасха имела форму пирамиды и была очень плотной, такой, что ее можно было резать ножом на тонкие пластинки. В наши дни ее мало кто делает, а многие даже не знают, что это такое.

Яйца, кулич и пасху полагалось освятить в церкви вечером в субботу или в воскресенье после литургии, у старообрядцев — в молебном доме. В советское время, когда большинство церквей было закрыто, эту ритуальную еду ставили с вечера на божницу, считалось, что утром она будет уже святой. Кроме того, яйца святили верующие женщины, хорошо знавшие молитвы.

Придя из церкви, одно-два яйца и кусок кулича ставили на божницу. Яйцо лежало там до следующей Пасхи, а кулич — до Красной горки. В Красную горку его съедали или, мелко искрошив, отдавали курам. Яйцо же можно было спустить вниз по реке или как кулич отдать птицам. В некоторых селах Оренбургской области яйцо и кулич, простоявшие всю Светлую неделю на божнице,

подавали как милостыньку верующим людям, чтобы они «родителей и всех умерших помянули».

В старину освященному яйцу и куличу приписывалась особая магическая сила плодородия, плодовитости, а также бережливая сила. Творожная же пасха рассматривалась как символ чистоты, новизны и белизны. В настоящее время эти представления уже не имеют распространения в быту, сохраняется лишь вера в святость яйца и вера в то, что оно предохраняет дом от пожара, а брошенное в огонь, его прекращает.

По распространенному среди православных людей России обычаю, первая пасхальная трапеза, знаменовавшая окончание Великого поста и переход к скоромной пище, начиналась с подачи на стол освященных яиц, куличей и творожной пасхи. По уральским представлениям, за столом в это время должна была присутствовать вся семья, что рассматривалось как залог ее целостности в течение года.

Сначала хозяин дома каждому давал по яйцу, потом по куску кулича, а затем по порции творожной пасхи. В старину существовал обычай у оренбургских казаков, описанный А. И. Кривошековым: «По возвращении от обедни вся семья от мала до велика уже на ногах. Христосуются друг с другом, а затем чинно размещаются за столом. Все ждут начала. Старший в семье — дед или отец — берет яйцо и со словами: „Христос воскрес“, разрезает его на несколько частей, по числу членов семьи и затем каждому дает по одной частичке. Обычай разговляться со времен седой старины. Затем обычно кулич, сыр, а потом обычно чай со свежими шаньгами»¹⁰⁰. Любопытно, что этот обычай в некоторых селах Южного Урала сохранился вплоть до конца 1960-х гг. В поселке Нижний Уфалей нам рассказывали: «У нас дома была традиция: все одним яйцом разговлялись. Мама делила яйцо на девять частей, нас девять в семье было, и всем давала по маленькой доле. Все мы от одного яйца съедали, а потом уж по одному яйцу каждому полагалось»¹⁰¹. В народной традиции такая раздача ритуальной пасхальной еды всем членам семьи, сидящим за одним столом, рассматривалась как передача каждому человеку его доли (индивидуальной судьбы) из общей доли, судьбы семьи. Это было связано с представлением, распространенным среди русских Южного Урала, что Пасха — это праздник, определяющий жизнь семьи на год. В этот день, как считалось, «Бог счастье делит». После того как все разговелись ритуальной едой, на стол подавалась большая миска пельменей, а после нее чай со сдобными булочками, шаньгами и пирогами. В наши дни торжественная пасхальная трапеза бывает не во

всех семьях. Однако яйца и кулич всегда присутствуют на столе во время приема пищи.

Поминовение предков. Пасха и вся Пасхальная неделя были временем, когда, по народным представлениям, необходимо было поминать усопших предков. Это объяснялось широко распространенным поверьем, что в канун Пасхи Господь открывает рай и ад и выпускает с «того света» души умерших, чтобы они могли посетить дома потомков и отпраздновать свою Пасху — Пасху мертвых. Души усопших пребывают на земле целую неделю, идут в церковь, заходят в дома своих потомков, где их ждет угощение. В «свой мир» они уходят во вторник Фоминой недели. Вера в появление на земле душ умерших была характерна и для русских Южного Урала. Особенно хорошо она сохранилась у старообрядческого населения Оренбургской области. Пожилая женщина из поселка Мирошкино рассказывала нам в 2003 г.: «В первый день Пасхи мертвые приходят в дома. Мы их не видим... а ждем. И они за стол вместе с нами садятся и для них вроде все готовят. Положат ложки на стол, кладут стакан воды, ложка и кутья — все это для умерших, которые пришли»¹⁰². Ей вторит женщина из села Первая Григорьевка: «На Пасху раньше умерших распускали... Они ходят тут, все ограды распускаются [раскрываются]... вот, на Пасху все умершие приходят. Как говорили наши родители, под Пасху нельзя закрывать двери и окна ставнями, они приходят. На стол под Пасху на угольнике [столик под божницей] у меня всегда стоят для них и яйца, и печенье, и конфеты»¹⁰³.

Считалось, что в Пасху надо обязательно ходить на кладбище «христосоваться с родителями». Это надо сделать потому, что усопшие предки хотят разделить со своими потомками великую радость по поводу победы Иисуса Христа над смертью. Они ждут их у ворот кладбища или у своих могил: «Идем на могилки и там встречаются они. <...> Встречать ходим, там служим, и они вроде радуются — родные»¹⁰⁴. Подойдя к воротам, надо сказать: «Христос воскрес!» и услышать в ответ «прямо из земли: „Воистину воскрес“»¹⁰⁵. Христосование с предками происходило так. По обе стороны могильного холмика становилось по одному человеку. Один катил по земле яйцо к другому, говоря: «Христос воскрес», тот подхватывал его, и со словами: «Воистину воскрес», отправлял яйцо к первому. Это проделывалось три раза, после чего полагалось поцеловаться.

Поминовение предков в Пасхальную неделю противоречило церковному канону, так как было несовместимо с радостью по поводу воскресения Христа. В церковном календаре для помина-

ния усопших был выделен специальный день — вторник на Фоминой неделе, называвшийся Радоница¹⁰⁶. Уральцы, несмотря на увещевания священников, не могли отказаться от посещения кладбища в Пасху. Они считали, что не имеют права огорчать предков — родителей, которые ждут их именно в этот день. Выход из этого положения был найден. Люди стали ходить «на могилки» и в Пасху, и в Радоницу. При этом Радоница рассматривалась как проводы умерших в места их вечного упокоения. Обычай посещать кладбища в Пасху сохранился до наших дней. Женщина из села Нижняя Павловка Оренбургской области в 2006 г. говорила нам: «Это праздник, всемирный праздник, надо радоваться всем, а мы идет на могилки — это неправильно. Батюшки говорят, но люди никак не поймут, что это праздник „Христос воскрес“... Зачем идти в этот день туда. Для этого есть Родительская... А сейчас ведь море народа. Нельзя на Пасху ходить, а люди все равно идут, да еще вино распивают там. Это грех непростительный»¹⁰⁷.

Обрядовый обход дворов. В первый день Пасхи сразу после литургии и семейной трапезы дети, собравшись в небольшие группы, отправлялись по дворам односельчан с поздравлениями и благопожеланиями. В старину дети, приходя в дом, поздравляли его хозяев словами: «Христос воскрес!», читали пасхальную песню: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав», желали хозяевам дома благополучия в грядущем году. В благодарность за поздравления и благопожелания ребятам давали яйца. По старинным поверьям, приход детей с благопожеланиями обеспечивал дому удачу в хозяйственных делах. В наши дни на Южном Урале детские пасхальные обходы домов сохраняются, хотя и утратили некоторые свои черты. Дети не знают пасхальной песни, которую раньше всегда исполняли перед иконами, теперь звучит только формула: «Христос воскрес», получая ответ: «Воистину воскрес», ждут дара, при этом в качестве дара предполагается не только крашеное яйцо, как раньше, но и конфеты, печенье. Казачка из села Арси Челябинской области рассказывала: «Сейчас вот заходят: „Здравствуйте! С праздником! Христос Воскрес!“ — „Воистину Воскрес!“ Я и конфеток даю, и печенье, и яички. Все дают. Только деньги не дают в Пасху¹⁰⁸. Следует заметить, что ритуал сохранялся и в годы советской власти, хотя он и находился под запретом.

Пасхальные костры. В горнозаводских поселках Южного Урала — Миньяре, Нязепетровске, окрестных и окружающих их сел — был распространен обычай пасхальных костров. Этот ритуал

встречался у русских очень редко. Он больше известен на русско-белорусском и русско-украинском пограничье¹⁰⁹.

Пасхальные костры в Челябинской области были общесельские, то есть такие, что устраивали все вместе жители села или отдельных частей большого поселка. Костер складывали из хвороста и старых ненужных вещей, как правило, на высоких горах, чтобы его было видно на большом расстоянии. После окончания заутрени к костру собирались все жители, пели, плясали, прыгали через костер, стреляли из ружей. Обычай зажигать костры в пасхальную ночь сохранялся в Миньяре и Нязепетровске очень долго, так же как и стрельба из ружей. Это существовало еще в 2000–2006 гг. Информатор из села Биянка, расположенного недалеко от Миньяра, нам рассказывала: «На Пасху вот костры жгут. По всем горам. У нас там в Биянке сколько гор есть, и на всех горах горели костры. Заранее готовили хворост. Жгли в субботу под Пасху. И тут вот [в Миньяре] жгут: вот я видела, жгли на Ягодной горе. А Бьянки вообще были кругом в кострах»¹¹⁰. Однако в наши дни костер перестал быть местом общего сбора жителей села. Сейчас это когда-то ритуальное действо превратилось в молодежное развлечение: парни жгут автомобильные шины и стреляют из ружей. В старину считалось, что костры жгут для того, чтобы «поднять» из мертвых Иисуса Христа, чтобы согреть апостолов, которые сидели около убитого Христа; чтобы увидеть Господа и попросить у него помощи, чтобы заслужить отпущение грехов¹¹¹. В настоящее время мало кто даже из старых людей знает смысл этого пасхального обычая. Одна женщина нам сказала, что это «вроде чертей сгоняют».

Пасхальные развлечения. Празднование Пасхи, как и любого праздника, предполагало множество развлечений: хождения в гости, уличные гулянья, пение песен, пляски, игры и т.п. Ф.М. Черемшанский в середине XIX в. описал типичную картину праздничного дня у русского населения Оренбургской губернии: «Повсеместно девушки летом в послеобеденное время собираются играть в хороводы, а во время Св. Пасхи качаться на качелях и катать яйца; кроме того, обыкновенную их игру составляют горелки или «разлуки», «коршун» и т.п., а молодые парни играют между собой в мяч [в лапту], в карты, в чушки, в свайку... Молодые и пожилые женщины собираются около домов — посидеть на завалинке и потолковать о том о сем; с ними разделяют беседу и мужички-старички, а другие хлебосольствуют, ходят по гостям и тянут хмельное. Это самое обыкновенное препровождение времени у сельских поселенцев»¹¹². Наряду с такими обычными праздни-

ными развлечениями были и специальные пасхальные: это игры с крашеными яйцами и качели.

Качели сооружали парни и молодые мужчины накануне Пасхи. Их устанавливали обычно на церковной площади или пустыре. Если село было большое, то ставилось несколько качелей, каждые в своей части села. Они назывались «козловые качели», «козлы», и представляли собой высокие, до 5 м козлы с прочным бревном наверху, на которое надето два кольца из веток березы или тальника. В кольца пропущены толстые веревки, на сгиб которых положена короткая, до 60 см, доска, если качели ставятся для одиночного катания, или более длинная, если качаются два человека. Между козел посередине становятся два парня, которые держат в руках вожжи, идущие поперек живота сидящего на качелях. Сидящий на качелях с силой отталкивается ногами от земли и взлетает вверх, возвращаясь же вниз, он наталкивается на вожжи, которые толкают его опять вверх. На качелях качались в основном девушки, парни же их раскачивали. Качаться, как говорили оренбургские казаки, «надо так, чтобы дух захватило и в голову ударило». Около качелей собиралось обычно много народу. Они были своего рода центром пасхального гулянья, как катальная горка на Масленице. Во время качания пели частушки, которые принято называть качальными припевками. В Нижнем Уфалее Челябинской области нам рассказывали: «Мы качались и пели песни. <...> Просто всякие пели, частушки пели. Мы пели: „На качелюшке качались, // Под качелюшкой вода. // Белу юбку замарала, // Мать по жопке надрала“, — что-то там дальше про милого, забыла я уж. Пели»¹¹³. В начале XX в., по словам А. И. Кривошекова, был обычай, по которому «кто-нибудь из стоящих рядом с качелями берет хворостину и стучит качающегося по спине с требованием: „Скаживай невесту / жениха“»¹¹⁴. Качели стояли до Вознесения, а потом их разбирали до следующей Пасхи. В наши дни пасхальных качелей уже не ставят. По словам женщины (1937 г. р.) из города Нязепетровска Челябинской области: «Раньше ставили качели, а теперь все это отошло. Когда я росла, в детстве, были качели, и качались, падали, а выросла, уж не было»¹¹⁵.

Игры с пасхальными яйцами. Игры с пасхальными яйцами на Южном Урале были самым распространенным пасхальным развлечением молодежи, мужчин и женщин, детей. Они начинались со второго дня Пасхи и продолжались до Вознесения или Троицы. Местом для их проведения могла быть площадь около церкви, улица, поляна за околицей — все, что подходило для небольшой компании детей, парней, девушек, мужчин и женщин. Играли

как яйцами, крашенными к Пасхе, но не освященными в церкви, так и теми, которые красили к Фомину воскресенью, Радонице, Вознесенью, Троице.

Основной игрой считалось битье пасхальных яиц: двое играющих, каждый зажав в кулаке по яйцу, должны были одновременно ударить яйцом по яйцу. Тот, чье яйцо оставалось целым, забирал яйцо соперника. В такую игру можно было играть дома или встретив знакомого на улице: «Это вот идешь. У каждого в кармане яйцо. Идет кто-нибудь. Ага! Стукнешься, разбил, забираешь. Не разбил, отдаешь»¹¹⁶. Дети любили играть с яйцами «в подкучки». Из опилок насыпали несколько кучек, в одну-две прятали по яйцу. Игрок должен был угадать, в какой кучке оно спрятано. Если угадал, забирал яйцо себе. Яйца использовали также при игре в карты. На стол ставили тарелку с крашеными яйцами и всем сидящим за столом раздавали по три карты. Яйцо получал тот, у кого оказывалась самая старшая карта. Однако, игра в карты, хотя и была довольно широко распространена, но считалась особенно в среде старообрядцев грехом.

Другим способом игры было катание яиц. На Южном Урале эта игра имела много вариантов. Одним из самых известных было катание яиц с невысокой горки или деревянного лотка. На земле расставлялись полукругом на некотором расстоянии друг от друга яйца. После чего один из игроков спускал вниз с горки или лотка «каток» — плоский, овальной формы мячик из тряпок, набитый опилками. Если мячик сбивал лежащие внизу яйца, то игрок забирал их себе и продолжал игру до тех пор, пока не промахивался. После чего в игру вступал следующий человек. Другим вариантом катания яиц была игра, в ходе которой надо было так прокатить яйцо, чтобы оно попало в одну из лунок, выкопанных в земле на расстоянии двадцати шагов от игрока.

Игры с пасхальными яйцами были известны в русских селах Южного Урала еще в начале 1970-х гг. В наши дни сохранилось только битье яиц во время праздничного застолья.

Семик-Троица — праздник завершения весны

Весенний цикл праздников завершался празднованием Семика-Троицы. Семик — древний языческий праздник, отмечается в четверг седьмой недели после Пасхи. В старину он играл важную роль в весенней обрядности, и как полагают этнографы, был связан с поминовением усопших предков. В начале XVII в. в обрядовую практику был введен христианский праздник Св. Троицы, установленный в память о триединстве Бога: Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Святого Духа. Он отмечался на пятидесятый день после

Пасхи. В народном календаре эти два праздника слились в единый весенний праздник Семик-Троица. Русские Южного Урала считали Троицу главным после Пасхи весенним праздником, который длится три дня: с воскресенья по вторник или с субботы по понедельник. Это несколько противоречит церковным правилам, по которым праздник происходит в два дня: в воскресенье — «во славу Пресвятой Троицы», в понедельник — «во славу Духа Пресвятого». Его христианская основа большинству людей второй половины XX в. была малопонятна. В селе Студеное Оренбургской области все думали, что в Троицу «празднуются трое святых», имена которых не могли вспомнить. Людями, жившими в XX в., Троица ассоциировалась прежде всего с радостью от близкого прихода лета, с растительностью, достигающей к этому времени своего расцвета. Нам рассказывали в селе Студеном Оренбургской области: «В этот день всё украшали, ломали ветки, ходили в лес. Полы вымоем, душички нарвем, пол весь устелём душичкой, веток понатаскаем, наломаем, с деревьев веток наломаем: весь двор, ворота, все в комнате, везде ветки, все зелено, вот так Троицу встречали»¹¹⁷.

На протяжении сотен лет в эти дни во всех русских селах проводились общенародные гулянья и совершалось множество обрядов, связанных с почитанием растительности: деревьев, трав, цветов, достигавших к этому времени своего расцвета.

Гулянья. Во второй половине XX в. и в первое десятилетие XXI в. в селах Южного Урала, как и в других русских регионах страны, в троичное воскресенье проходили большие гулянья жителей. В них участвовали семейные люди и молодежь, гулявшая отдельно от них и по-своему. Троицкие гулянья проводились обычно вне села: на лесной поляне, на лугу, вблизи реки или озера.

Семейные люди собирались компаниями, в старину их составляли в основном родственники, а в наши дни соседи, и отправлялись в лес, захватив с собой еду для троичной трапезы. На лугу расстилали скатерть и раскладывали привезенные с собой кушанья, расставляли стаканы для пива и кваса. Жительница поселка Нижний Уфалей рассказывала: «Троица отмечается народными гуляньями и раньше отмечалась в коммунистическое время. Выходили целыми кварталами на лужок, на речку Уфалейку, на Плашту [реку], просто на полянку на солнышко выходили, собирались все соседи, пироги брали, пироги обязательно были в угощении. Старались сделать стол праздничным. Все это упаковывалось в сумки, детей, как правило, брали с собой, то есть выходили семьями, компаниями»¹¹⁸. Если выехать за село не получалось,

то гулянье с трапезой устраивалось на дворе. В землю вкапывали березку (или осокорь), ставили под нее стол, за которым пировали с пришедшими соседями, которые приносили для общей трапезы еду «кто что мог, но обязательно пироги». Это называлось «ссыпаться на Троицу». По словам местных жителей, на таких гуляньях много пели, плясали под гармошку: «Все распевали. На Троицу раньше песни всякие пели. Все голосистые были. Вообще всякие песни пели, а как плясали!»¹¹⁹

Парни и девушки во второй половине XX в. гуляли вместе. Женщины, родившиеся в 1930-е гг., вспоминали: «В Троицу не только девчата собирались, но и ребята приходили с балалайками, на луга ходили... Сядем все порядком, поем, цветы в венки сошьем и придем обратно, и мальчишки ходили. Мальчишек много у нас было»¹²⁰. Однако, вплоть до конца 1950-х — начала 1960-х гг. в некоторых селах сохранялись гулянья только девушек, характерные для троицких гуляний XIX в. Пожилая женщина (1937 г. р.) из села Каратабан Еткульского района Челябинской области рассказывала: «Когда наше время было, когда я еще молодая была, девушки обязательно собирались. Берешь гитару, балалайку, гармонь, наряжаешься в красивые платья, конечно в „атласники“ больше, тогда „атласники“ считались богатым платьем, чем ярче, тем наряднее вроде. Ну, платки тоже атласные надеваешь. И вот выходили и там в лесу играли всякими играми, танцевали»¹²¹.

В старинных казачьих селах Оренбургской области во второй половине XX в. существовал своеобразный обычай троицкого девичьего гулянья, который назывался Семик. Его участницами были девочки-подростки и даже «девчонки маненькие». Праздновали Семик своим «курмышем», то есть своей девичьей компанией из 4–16 человек. «Семиковали» обычно в сарае, стоявшем в усадьбе одной из девочек, который накануне Троицы убирали, даже белили стены и потолок, украшали ветвями осокора, березы, пол застилали травой и садились пировать: пили сладкий напиток из солодки, ели пироги, яичницу, творог, а также веселились, играли. Пожилая женщина из села Сергиевка Первомайского района Оренбургской области, вспоминая свое детство, так об этом рассказывала: «На Троицу ссыпались мы. Вот, слушай. Значит, как Троица, мы еще девченёшками были, у кого какой-нибудь чулан там. Мы его убираем, все делаем, белить там надо или чего там, ну убираем. Идем вон в лесок, где роднички-то, там ломаем ветки, притаскиваем, все убираем, а на Троицу собираемся: ну по два яичка, по ложечке сметаны или сливок, яичницу жарили, солодку заранее соберем, вот, мы его нарвем, нам бузу сварят, как квас, сладкий. Вот эта буза у нас, и значит, мы собираемся на

Троицу и всё за стол, садимся, ну хлеба там и кто чего принесет, и вот эту бузу разливаем, яичницу жарим, и вот празднуем, а кругом у нас душица лежит, пахнет. Мы празднуем»¹²².

Мальчишкам на Семик приходиться не полагалось. Девочки старались сохранять место его проведения в тайне. Ребята собирались своей ватажкой: «Ай-дате, посмотрим, пойдем», и отправлялись на поиски девочек. Однако, если им удавалось найти место проведения Семика, девочки их в сарай не пускали, потому что это «девичье празднество».

Украшение зеленью храмов и домов. Древние обычаи и обряды почитания растительности также были известны в русских селах Южного Урала. Это, прежде всего, обычай украшать ветками деревьев, травой и цветами помещения храмов и домов, хозяйственные постройки, изгороди, колодцы. Обычно для этого брали ветви березы — наиболее почитаемого русскими дерева. Однако в тех местах, где березы не росли, использовали ветки осокора — серебристого тополя, а также черемухи, крушины (по местному — курушатника), калины, шиповника, которые в это время года цвели и распространяли приятный запах. Крушину в Оренбуржье часто называли «троишные цветы», «троица». Можно было ломать ветки и других деревьев — вяза, дуба. Только нельзя было приносить в деревню тальник (иву), который считался в Оренбуржье нечистым деревом, так как, по уральскому поверью, на нем «когда-то девушка удушилась, на талах повисла»¹²³. Ветки втыкали в оконные рамы, в дверные косяки, в матицу, ставили на божницу, украшали ими ограды домов, хозяйственные постройки. В церкви обычно кроме веток, украшавших окна и иконы, ставили срубленные молодые березки. На пол в церквях и домах настилали траву, обычно чабрец (тимьян), называвшийся на Южном Урале богородской травой, а также душицу, мяту, ландыши и «всякое разноцветие травы». По словам казачки из села Чернооречье Оренбургской области, «от этого радость в доме была». В некоторых оренбургских селах бытовал очень древний обычай брать с собой в церковь маленький букетик цветов и во время праздничной литургии немного над ним поплакать, чтобы во время роста хлебов был столь необходимый им дождь.

Зелень в домах и храмах полагалось сохранять три дня. После чего их нужно было уничтожить как любой другой «святой» предмет: бросить в огонь, в воду или закинуть на крышу дома, как говорили, «поближе к Богу». «Нетоптанную» траву собирали с пола и хранили на чердаке. Если в доме кто-нибудь умирал, ею набивали подушку, которую клали в гроб под голову умершего.

Ритуал «Завивания березки». С культом растительности связан и девичий ритуал «Завивания, заламывания березки», известный в старину фактически во всех селах Южного Урала. Он состоял в том, что в Семик девушки гурьбой отправлялись в лес, выбирали там красивую березку и связывали ее ветви в венки, слегка их надламывая. Каждая девушка «заламывала» несколько веночков на себя и на своих родных для того, чтобы узнать свою и их судьбу. В Троицу все тем же «курмышем», то есть компанией, отправлялись посмотреть — завяли листья на веночках или остались свежими. Если завяли, то человека, на которого был завит венок, ждет печальная судьба, а если листья оставались свежими, то его жизнь будет радостной и счастливой. «Заламывание» березок сопровождалось обычно трапезой, состоявшей из кваса или пивного сусла, крашенных в зеленый или желтый цвет яиц, яичницы, творога, пирогов, и сопровождалось пением песен. В XIX в., особенно в первой его половине, девушки пели специальные троицкие песни. Однако, к началу XX в. они вышли из девичьего репертуара и их заменили частушки. Самой известной из них, бытовавшей в разных вариантах во всех уральских селах была такая: «Скоро, девки, Троица,/ Зеленым лес покроется,/ Скоро миленький приедет,/ Сердце успокоится».

В Троицу после трапезы девушки плели венки из цветов, трав и веток, надевали их на голову и с пением отправлялись к реке или озеру. Там они, загадав желание, бросали венок в воду: «Плыви, плыви веночек, прибуди на бережок, или на правый, или на левый, но только, чтобы сбылось»¹²⁴. Считалось, что если венок плыл по реке, то жизнь девушки будет долгой и счастливой, если пристал к берегу — она выйдет замуж, если утонул, девушка скоро умрет. На реку приходили парни, и начиналось праздничное гулянье. Пожилая женщина из заимки (деревни) около Нижнего Уфалея, вспоминая свою юность, пришедшуюся на конец 1950 — начало 1960-х гг., рассказывала: «У нас на заимке очень весело было: мы венки плели, в четверг всегда заламывали березу, загадывали желание и завязывали узелок. В Троицу приходили и смотрели. Если желание исполнится, то листики не завянут, а если нет — то листики завянут. Это мы очень часто делали. Это в четверг делали, веточки между собой завязывали на березе, узелочком сделаешь, и листики не должны завянуть. Мы, конечно, страшно верили в это, заламывали»¹²⁵. Это воспоминание нашей современницы в 2008 г. мало чем отличается от описаний, сделанных в 1859 г. оренбургским краеведом Ф.М. Черемшанским¹²⁶, а в 1915 г. краеведом А.И. Кривошековым. «В былое время, — писал в своей статье А.И. Кривошеков, — лет

30–40 назад, казачья молодежь завивала венки обычно в Семик, в четверг перед Троицыным днем, а в этот последний день шла с ними на речку или озеро и бросала их в воду. В последнее время этот обычай перенесен уже на Троицу, когда девушки и парни после обедни отправляются в ближайшую березовую рощу. В гуще деревьев, на зеленой траве, разодетая в яркие костюмы молодежь располагается огромною толпою в несколько кругов. Под звуки гармоники идут танцы, несутся песни, но уже общего характера: прежних, обрядовых не осталось и следа. Затем девушки завивают из веток березы венки, надевают на голову и всю массу, с песнями, двигаются к реке, обычно на мост, и отсюда бросают их в воду. Во многих местах парни приходят в рощу с заряженными пистолетами (старинными) и во время завивки стреляют из них несколько раз в воздух; стрельба продолжается и на мосту, и во время бросания венков. Существует [поверье], что если брошенный в воду венок потонет — девушка умрет в этот год. Если поплывет по течению — будет здорова, но если в первый момент он двинется, хотя бы несколько против воды, значит, девушка непременно выйдет замуж¹²⁷.

В основе всех этих обычаев лежали древние представления о том, что весенняя зелень к Семику-Троице приобретает особую магическую силу, которую можно и нужно использовать в своих целях. Люди верили, что травы и деревья могут способствовать увеличению плодородия почв, урожайности культурных растений, плодовитости домашнего скота, благополучию и здоровью людей, что с их помощью можно защититься от пагубного влияния злых сил, от грозы, молнии и пожара, угадать судьбу. Трапеза под березой в давние времена могла рассматриваться как жертвоприношение священному дереву. Постепенная утрата древних верований в силу весенней зелени привела к почти полному исчезновению этих обычаев в наши дни. «Завивание березы» и гадание на венках ушло в прошлое уже в начале 1950-х гг. Обычай застилать пол травами и цветами исчез чуть позже, в конце 1960-х — 1970-е гг., когда, по словам уральцев, стали «жить хорошо, культурно — на полы паласы стелить»¹²⁸. Несколько лучше сохранился обычай украшать дом ветками деревьев, но он стал не таким ярким как раньше. Сейчас в Троицу ставят перед божницей или на стол две-три веточки березы, которые после того как завянут, выбрасываются.

Наряду с этими обычаями, в селах Южного Урала вплоть до 1960-х гг. бытовали в форме веселой девичьей игры два обряда, которые, по мнению этнографов, в древности символизировали «проводы весны»¹²⁹. Это обряды «Вожделение березки» и «Проводы русалки».

«*Вождение березки*». Этот обряд был распространен среди потомков переселенцев из центральнорусских и поволжских областей, где он был широко известен еще XIX в. Эта девичья игра начиналась в Семик: девушки шли в лес и выбирали там небольшую красивую березку (или осокорь), под которой устраивали трапезу. В Троицу ее срубали, и украсив ленточками, платками, лоскутками, цветами, вносили с пением в село. Во главе процессии шла самая бойкая или самая красивая девушка с березкой в руках, а за ней, держась за ветви березы или привязанные к ней ленточки, шествовали остальные участницы. В селе березку с пением «водили» по всем улицам, а затем «отправляли» на речку. Там ее «раздевали», то есть снимали все украшения, и бросали в воду.

«Вождение березки», по мнению ученых, был обрядом, в котором разыгрывался весенний цикл жизни природы: «рождение весны» — березку срубали и украшали, «жизнь весны» — березку «водили» по селу, «смерть» — березку бросали в воду. Уничтожение березки символизировало конец весны, завершение вегетационного периода, после которого наступало лето.

«*Проводы русалки*». Этот обряд был отмечен экспедицией в селах Софиевка Пономаревского района и Первая Григорьевка Сакмарского района Оренбургской области¹³⁰. По древнейшим представлениям, русалки — растительные духи, покровители цветущих полей ржи и пшеницы — появляются в коноплях и пшеничных полях, на берегах рек и озер, в березовых рощах в Семик-Троицу. Считалось, что они охраняли посевы и способствовали урожайности полей. В Петровское заговенье, следующее за Троицей, они уходили на «свое место» — на «тот свет», откуда и приходили на землю. Это событие и изображали девушки и женщины в игре «Проводы русалки». Игра представляла собой процессию женщин во главе с «русалкой» — одетой в лохмотья женщиной с распущенными волосами, закрывавшими лицо. Она двигались по селу в сторону хлебных полей с шумом, криками, стуком в печную заслонку и косу. Житель села Софиевка вспоминал, что в детстве он видел как «проводжали» русалку: «Русалку проводжали всем селом. Я видел. Вот соберутся гурьбой, уберутся: кто в лохмотья, кто в чё. И одна изображает русалку, а те идут. Русалка тоже с распущенными волосами и оденет чё-нибудь поинтересней, какое-нибудь рвань оденет. А остальные идут с ней вместе. <...> А гонят ее по улице в конец, в каждый конец села. Конечно, каждый конец свою русалку провожает. <...> Это называлось у нас „проводы русалки“, провожают русалку»¹³¹. «Русалку» выпроваживали обычно на хлебное поле, где с нее снимали лохмотья

и разбрасывали их по полю. Это должно было, по поверью, повысить урожай хлебов.

По мнению этнографов, русалка в мифологических представлениях древности была таким же календарным символом, как и березка, а ее проводы завершали весенний календарный цикл¹³².

Поминовение усопших. На троицкие празднества приходится также день поминовения усопших предков. Этим днем была Троицкая (Духовская, Родительская) суббота, официально установленная православной церковью и принятая в народной культуре. Русские Южного Урала считали этот день «самым главным днем для похода на кладбище»¹³³. По народным поверьям, в Семик-Троицу на землю возвращались предки, где и пребывали в течение некоторого времени. Они ждали, как считалось, своих живых потомков на кладбище у своих могил. Жительница города Миньяра Челябинской области объясняла: «Я в эту субботу всегда хожу на кладбище потому, что в эту субботу нас ждут там наши родители»¹³⁴. В некоторых селах поминовение всех усопших родителей было перенесено на Троицкое воскресенье, а суббота предназначалась для уборки могил: «Вот в субботу ходят — красят, цветы там навешают, венки, везде, наверное, кладбища такие нарядные»¹³⁵. На кладбище в этот день приходили раньше, приходят и в наши дни фактически все жители села. Семья собирается у могил своих родственников, здороваются с умершими и приступает к трапезе, в которой, как считается до сих пор, участвуют и умершие. Жительница Миньяра нам рассказывала: «На кладбище несут, у кого чего есть, пироги несут, и печено несут, и варено несут. Кто чего. И вино, кто пьет на кладбище, кто не пьёт»¹³⁶. После окончания трапезы прощаются с умершими и уходят, оставляя на могилах кусочки еды и яйца, окрашенные в зеленый или желтый цвет листьями березы. Некоторые особо верующие люди приглашают священника для совершения чина литии или сами читают молитвы за упокой души умершего. Так поминали и поминают «чистых покойников», то есть тех, кто «изжил свой век», умер своей смертью, был похоронен в соответствии с христианскими правилами и получил успокоение в потустороннем мире.

«Нечистых покойников» (самоубийц, опойц, умерших без крещения), лишенных христианского погребения, поминать по церковным правилам не полагается. Однако еще в старину их поминовение было обязательной чертой весенних поминовений умерших. Оно было необходимо, как считалось, для того, чтобы «нечистые покойники», не взятые на небо за свой грех, нашли успокоение. Их

поминали в старину обычно в Семик или после того дня, когда, по поверью, души предков покинули землю и вернулись на «тот свет».

В наши дни, однако, в Троицкую субботу стали помянуть одновременно и усопших предков, и самоубийц. В то же время некоторые пожилые люди помнят о том, что самоубийцы — покойники особые, их нужно помянуть в Троицу отдельно от усопших предков. В селе Кардаилово Оренбургской области, где основное поминовение предков проходило в Радоницу, нам объясняли: «В Троицкую субботу должно ходить к тем, у кого задушився, у кого повесился. Вот такие несчастные случаи. Вот тем людям в Троицу надо идти на могилки»¹³⁷. Однако, почти повсюду считалось, что лучше на кладбище не ходить, а подать за упокой их грешной души милостыньку: «Под Троицу милостыньку подают обычно, кто удушился. Вот таким вот, подают. Эта милостынька, говорят, вроде бы их выручает от большого греха: булочку, конфетку, свечку»¹³⁸.

Обычай весеннего поминовения всех усопших в Троицкую субботу является продолжением поминовений, начатых в Святки и продолженных в пасхальные дни. Троицкие поминовения получили значительно больший размах, чем январские и пасхальные, потому что для крестьянина-земледельца весна является тем временем, от которого зависел будущий урожай. Благоприятные условия: много солнца и влаги, необходимые в это время для роста и колошения ржи и пшеницы — могли дать людям, как считалось, умершие предки, находившиеся рядом с божествами в «кином мире». Однако, этот дар можно было получить лишь в том случае, если потомки будут проявлять уважение к усопшим, то есть посещать кладбища, устраивать трапезы на могилах, оставлять для умерших еду, крашеные яйца — символ воскресения и воссоздания жизни, проводить панихиды по усопшим в церквях, читать молитвы на могилах.

Духов день. Это второй день празднования Св. Троицы, он считался в селах Южного Урала днем именин земли. Жители города Миньяра Челябинской области рассказывали: «В Духов день земля именинница. В этот день все можно делать, говорили старые люди, а кто его знает почему. В Духов день я и сейчас не копаю. Большинство этого придерживаются. Землю трогать нельзя...»¹³⁹ Однако, фактически никто не мог объяснить, почему в этот день надо отказаться от работы на земле и почему земля как человек имеет день именин. В большинстве случаев люди объясняли необходимость «праздновать именины земли» тем, что так положено издавна: «Раз положено, значит положено. Раз сказали, что нельзя,

значит нельзя». Иногда говорили, что трогать землю в этот день — плохая примета.

Мифологические представления о земле как о женщине, всеобщей Матери, кормилице, которая «живых питает, а мертвых к себе принимает», давно ушли в прошлое. Однако крестьяне, для которых земля много веков была кормилицей, сохранили в памяти, что в весенний день надо проявить уважение к Матери-земле, дающей людям благополучие. Пожилая женщина нам сказала: «Кто-то ведь бывает именинник в свой день. Так и она, наверное, земля. Земля нас кормит. Если бы не земля, то как бы мы тут; все посажено в огороде — и картошка, и сено с земли»¹⁴⁰.

Летние праздники

Лето, по народным представлениям, наступало после завершения весеннего цикла празднеств и длилось до конца июля. Его пик приходился на день летнего солнцестояния (21 июня), когда солнце высоко стоит над горизонтом, когда день самый длинный в году, а ночь самая короткая. Лето считалось временем расцвета природы и вегетативного подъема. На это время года приходилось два больших праздника: Иван Купала и Петров день.

Иван Купала

Основным летним праздником народного календаря был день Ивана Купала, совпадающий с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи (24 июня/7 июля). В селах Южного Урала этот праздник называли Иван Купала (Иван Купан, Иван Купальный, Иван Травник). Уральцы объясняли народное название праздника тем, что «именно в этот день Иоанн крестил, купал Иисуса в Иордане. Вот этот день и называется Иван Купан»¹⁴¹.

В русской традиции Иван Купала считался днем полного расцвета природы, когда растворяются небеса и земля, «играет» солнце, «говорят» животные и растения, обнажаются клады и пр. Его обрядность представляла собой сложный комплекс ритуалов: сбор трав и цветов, хождение к воде, купание и обливание водой, разжигание костров, пение и пляски, эротические игры молодежи.

В селах Южного Урала во второй половине XX в. весь этот сложный комплекс оказался забытым и по всей вероятности в более давние времена, чем в XX в. Единственно, что сохранилось почти

до наших дней, это обычай обливания друг друга водой. Он здесь превратился в главный знак праздника: «Иванов день — летний праздник, особо не отмечают, только друг друга купают, обливают, брызгают»¹⁴². Водой раньше поливали всех, кто оказывался на улице: и старых, и молодых. В наши дни этим забавляются обычно подростки. По поверью, обливаться надо было для того, чтобы не было засухи. Нам рассказывали: «В этот день обливаются, поливаются, пока дождь не пойдет»; «И взрослые обливаются, если засуха. Еще специально даже бабушка говорила: „Обливаться надо, засуха, растения-то не растут, обливаться надо”». Считалось, что вода в ночь на Ивана Купала становится «благословенной». Казачка из села Краснинское Челябинской области говорила своей соседке: «Катерина, ты сегодня в полночь вставай и иди к колонке, будет вода как в Крещение...»¹⁴³

В селах сохранились также смутные воспоминания о том, что в этот день надо собирать травы, которые приобретают к этому времени лечебные свойства, и рвать в полночь папоротник.

В поселке Кардаилово Оренбургской области, населенном потомками казаков-украинцев, в день Ивана Купала делали Маренку: девушки срубали небольшое деревце-лесину, обычно цветущую крушину, вешали на него веночки, цветы и ленты, вносили в село, вкапывали в землю, а потом вокруг него танцевали, пели песни. К вечеру парни забирали деревце и бросали его в воду. Деревце называли Маренкой. Этот купальский обычай повторяет троицкий — «Вождение березки», который совершали в Троицу. Купальские и троицкие обряды в культуре украинцев и русских часто перекликались.

Петров день

Петров день (Петры и Павлы, Петровки) — народное название дня памяти первоверховных ап. Петра и Павла, отмечаемого 29 июня/12 июля. Этот праздник следовал непосредственно за днем Ивана Купала и, как предполагают этнографы, составлял с ним в давние времена единый цикл празднеств в честь летнего солнцестояния. В русском народном календаре он был одним из ключевых праздников летнего цикла. Это было время расцвета природы, пик вегетации растений. В то же время после Петрова дня в природе начинались изменения, свидетельствующие о грядущем наступлении осени. Это проявлялось прежде всего в сокращении светового дня. «Петр и Павел день убавил» — говорит русская пословица. В Оренбургской области замечали: «Вот как Петров день придет — половина лета прошла. С Петры и Павлы день пошел на убыль»¹⁴⁴.

В селах Южного Урала Петров день считался большим праздником, в который запрещено работать. Старообрядка из села Беловка Оренбургской области рассказывала: «Петров день — это праздник. Если праздник, то не велят работать. Баушка мне, бывало, говорила: „Наська! Не стирай, эту воду будешь пить на том свете!“»¹⁴⁵. Однако массовых гуляний, обильных трапез, как это было принято в большие праздники, здесь не произошло. Пожилая женщина из села Яман Оренбургской области говорила: «Был праздник Петры и Павлы, и всё, а чтоб как-то отмечали не помню. Тоже мы не работаем. Пришли бабушки, мы помолились и все»¹⁴⁶.

Петров день знаменателен тем, что с него начинался сенокос, в степных районах начиналась жатва пшеницы, снимался повсюду запрет на сбор земляники. Сенокос длился две недели и заканчивался ко дню иконы Казанской Божьей Матери (8/21 июля). После его окончания устраивалось празднество. Жительница города Нязепетровска рассказывала: «Когда сенокосная пора заканчивается, то столы расставляются где-то на улице. Ну, вот обычно у нас тут три дома, то ставили всегда здесь столы и праздновали, что страда кончилась, отстрадались»¹⁴⁷.

Примечательной особенностью Петровок было приготовление пирожков с земляникой, которую собирали первый раз накануне праздника: «Раньше народ первую ягоду срывали с 11-го на 12-е. Вот, 11-го срывали, клубнику вот допустим, лесную. А 12-го — уже обязательно с этой ягодой пирожкам быть на столе... Вот, это Петров день и называется»¹⁴⁸. В Оренбургской области нам рассказывали, что с Петрова дня можно было сватать девушек: «С Петрова дня гонят девок со двора»¹⁴⁹.

Осенние праздники

В народном календаре осенью называли период завершения роста растений и угасания природы. Обрядов в эти дни было мало. Осень характеризуется главным образом приметами, описывающими изменения в природе и хозяйственной жизни людей.

Ильин день

Первым днем осени в народном календаре Южного Урала считался Ильин день (20 июля/2 августа) — день памяти ветхозаветного пророка Илии, жившего, как говорит ветхозаветное предание, в Израильском царстве за девять веков до рождения

Иисуса Христа. В селах говорили: «Илья Пророк — лето уволок. Уже все, лето кончилось»¹⁵⁰. Люди замечали, что с этого дня менялась погода: начинались утренние и вечерние холода, хотя днем бывало еще жарко, вода становилась холодной и не пригодной для купания. Уральцы говорили: «Всё. Боженька ледышку спустил в воду»¹⁵¹.

Ильин день был, по мнению уральцев, «грозным, очень грозным» праздником. В этот день всегда происходило что-нибудь страшное: гроза, пожар из-за молнии, ливень, вихрь, срывавший крыши с домов, развеивавший стога сена. В Нижнем Уфалее Челябинской области нам говорили: «Илья Пророк обязательно себя проявит. В этот день ждешь обычно грозы, то есть ждешь чего-то грозного»¹⁵². Это ожидание, по словам уральцев, всегда оправдывалось. Казачка из поселка Краснинский Челябинской области рассказывала: «Целое лето не было дождя. В Ильин день, ой, как я только вышла за ворота! Как он грохнул. Как гром грохнул. Господи! Вода идет стеной, добежала до машины, поехали, все в воде. Вот какой Илья был! За всё лето не было дождя, а тут вот»¹⁵³. Для защиты от гроз, ливневых дождей и вихрей в старину проводили молебны в церквях, часовнях и старообрядческих молельнях. Кроме того, чтобы не разгневать грозное божество, в «его праздник» устанавливался запрет на работу: запрещалась косьба, уборка и вывоз сена, всякая домашняя работа. Даже в наши дни считается, что работа в Ильин день может привести к беде: «Илья накажет, кто будет в этот день работать»¹⁵⁴; «Если сено в Ильин день мечешь, оно сгорит от молнии»¹⁵⁵. В селах Челябинской и Оренбургской областей бытует множество рассказов о наказании Иллей Пророком нарушителей запрета. Пожилая женщина из поселка Арси Челябинской области рассказывала: «Мы поехали с сыном убирать сено в Ильин день. И убрали, и всё! А Бог то не велел. Все сено промочило, и буря поднялась и содрало все на свете. И все. С того дня я сыну сказала: „Не делай ничего. Не коси, не строгай, ничего не делай”. Строгий такой день»¹⁵⁶.

Спасы

Осенними праздниками на Южном Урале считались также Спасы — три праздника во имя Иисуса Христа — Спасителя. Первый Спас (1/14 августа) на Южном Урале назывался Медовым, Второй Спас (6/19 августа) — Яблочным, а у Третьего Спаса (16/29 августа) особого названия не было, он просто назывался Третий Спас. Все они, по мнению уральцев, указывали на приближение зимы: «Первый Спас — готовь рукавицы про запас», «Третий Спас — тулуп про запас».

Эти праздники были для людей веками начала уборки разных плодов земли: овощей и фруктов. В Медовый Спас полагалось брать у пчел взятку, приступать к огородным работам: убирать лук и чеснок. В Яблочный Спас наступало время собирать яблоки и виноград, убирать свеклу и морковь. В Третий Спас начинали уборку бахчевых культур, капусты, картофеля, собирали помидоры и огурцы. Мед и все эти овощи и фрукты сначала надо было обязательно освятить в церкви или, как говорили, «отнести Христу», а потом уже употреблять в пищу¹⁵⁷. Использование их до освящения считалось большим грехом и грозило Божьим наказанием. В поселке Сакмары Оренбургской области считалось, например, что если мать умерших детей будет есть яблоки до Яблочного Спаса, то у нее «в горле вырастет шишка», а дети не получат на «том свете» ни одного яблочка¹⁵⁸.

Успенье Пресвятой Богородицы (15/28 августа) и Рождество Пресвятой Богородицы (8/21 сентября) — два осенних праздника, установленных в память о земной жизни Божьей Матери. Рождество Пресвятой Богородицы было приурочено ко дню осеннего равноденствия. Эти праздники во второй половине XX в. на Южном Урале праздновались только в церкви. Большая часть уральцев, по нашим сведениям, помнила о том, что это большие праздники, которые надо «блюсти». Однако каких-либо поверий и примет, связанных с этими днями, в обследованных нами селах не сохранилось. Продолжал бытовать только обычай в Успенье Божьей матери (Ильин день, Спасы) поминать на кладбище плодами нового урожая всех усопших предков. Нам рассказывали: «Вот помню хорошо: это были первые бобы, первый горох, первая красная помидорка, морковка — все овощи несли туда, поминали овощами. Несли на кладбище, поминки подавали, на могилки ложили»¹⁵⁹. Эти подношения были жертвоприношением умершим предкам в знак благодарности за хороший урожай.

Воздвиженье

Последним большим праздником осени было Воздвиженье Честного Креста Господня (14/27 сентября). Он был установлен церковью в память обретения св. равноапостольной Еленой в 326 г. креста, на котором был распят Иисус Христос. Уральцы не считали этот день каким-то большим, особым праздником: «Это праздник и праздник, ничего особенного не делали»¹⁶⁰. Он запомнился нашим современникам из-за исчезновения змей, которые в ожидании зимы впадали в спячку. Традиционное объяснение этому явлению было таким: «В Воздвиженье змеи хотят прятаться, а Бог им не дает, хочет, чтобы их убили»¹⁶¹.

Таким образом, праздничный календарь русского населения Южного Урала, известный нам по записям второй половины XIX — первой четверти XX в., а также по современным экспедиционным материалам, — имел общерусскую основу. Его особенностью являлось то, что он включал в себя множество локальных вариантов, характерных для разных регионов расселения русского народа. Появившиеся здесь одновременно с переселенцами в XVIII — начале XX в., они не успели сложиться в единую южноуральскую локальную традицию. В народном календаре Южного Урала можно обнаружить обряды, ритуалы и магические действия, характерные для традиционных праздников русских в Поволжье, центральном, южнорусском, западнорусском регионах Европейской России, а также западных районов Сибири.

Праздничные традиции на Южном Урале сохранялись значительно дольше, чем в других местностях России. Так, еще в середине XIX в. многие из старинных обрядов и ритуалов были «живыми» в народном быту. Это было обусловлено, вероятно, стремлением русских, попавших в иноэтническую и иноконфессиональную среду, сохранить свою идентичность. Однако, уже в 1920–1930-е гг. в результате изменений жизненных условий они стали постепенно трансформироваться и забываться.

Во второй половине XX в. в селах Южного Урала праздники народного календаря предстали перед изучавшими их этнографами в сильно упрощенном виде. Многие обрядовые действия, утратив в глазах людей смысл, исчезли, другие превратились в праздничное развлечение или детскую игру и только некоторые из них еще выполнялись в силу традиции: «так бабушка делала и мне велела».

В первое десятилетие XXI в. старинные праздники с их обрядами помнили только представители старшего поколения, получившие представления о них от родителей или в детстве принимавшие в них участие. Из старинных ритуалов, воспроизводящихся в наши дни, можно отметить святочный ритуал «Славления Христа», пасхальные обходы дворов детьми, пасхальную трапезу с куличом и крашеными яйцами, а также поминовение всех усопших предков в Пасхальном и Троицком цикле празднеств.

---

¹ Традиционные праздники русского населения Южного Урала (Челябинская и Оренбургская обл.) Материалы полевых исследований. Челябинск, 2012. С. 51.

² Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 52–53.

³ Там же. С. 52.

- ⁴ Там же. С. 51.
- ⁵ Там же. С. 72.
- ⁶ *Голубых М.Д.* Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 226.
- ⁷ *Тулъцева Л.А.* Календарные праздники и обряды// Русские /Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.,1997. С. 621.
- ⁸ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 75.
- ⁹ Там же. С. 56.
- ¹⁰ Там же. С. 61.
- ¹¹ Там же. С. 70.
- ¹² Там же. С. 63, 71.
- ¹³ Там же. С. 67.
- ¹⁴ Там же. С. 97.
- ¹⁵ Там же. С. 94.
- ¹⁶ Там же. С. 99,100.
- ¹⁷ Там же. С. 104.
- ¹⁸ Там же. С. 100.
- ¹⁹ *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. Тр. ИЭ. Нов.серия. Т. 40. М., 1957. С. 117.
- ²⁰ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 112–113.
- ²¹ Там же. С. 98.
- ²² Там же. С. 98–99.
- ²³ *Курочкин А.В.* Календарные обычаи и обряды //Украинцы. М., 2000. С. 406–407.
- ²⁴ *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв.//Очерки истории народных верований. М., 1957. С. 116.
- ²⁵ *Кривощёков А.И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков// Вестник Оренбургского учебного округа. Вып.5. Уфа, 1915. С. 194.
- ²⁶ *Касимовский В.* Этнографический очерк села Дувана Уфимской губернии Златоустовского уезда. Дуван, 1991. С. 22.
- ²⁷ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 101.
- ²⁸ Там же. С. 109.
- ²⁹ Там же. С. 108.
- ³⁰ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 81.
- ³¹ Там же. С. 101–102.
- ³² Там же. С. 85.
- ³³ Там же. С. 109.
- ³⁴ Там же. С. 85.
- ³⁵ Там же. С. 108.
- ³⁶ Там же. С. 112.
- ³⁷ Там же. С. 137.
- ³⁸ Там же. С. 132.
- ³⁹ Там же. С. 121.
- ⁴⁰ Там же. С. 129.
- ⁴¹ Там же. С. 121.
- ⁴² *Кривощёков А.И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. № 5. Уфа, 1915. С. 201.

- ⁴³ *Кривощёков А. И.* Указ. соч. С. 201.
- ⁴⁴ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891. С. 219.
- ⁴⁵ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 163–164.
- ⁴⁶ Там же. С. 149.
- ⁴⁷ *Черемшанский Ф. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 209.
- ⁴⁸ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 169–170.
- ⁴⁹ Там же. С. 150.
- ⁵⁰ Там же. С. 141.
- ⁵¹ Там же. С. 159–160.
- ⁵² АРЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 140. Л. 7.
- ⁵³ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 142.
- ⁵⁴ *Агапкина Т. А.* Мифо-поэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 248; *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 41; *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Праздничная культура Вологодского края. М., 1993. С. 262.
- ⁵⁵ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 141.
- ⁵⁶ Там же. С. 160.
- ⁵⁷ *Агапкина Т. А.* Ук. соч. С. 209 -220; *Соколова В. К.* Указ. соч. С. 54, 56; *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживания. Киев, 1890. С. 136–137.
- ⁵⁸ *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала: Опыт этноидеологического словаря русских говоров Свердловской области. Вып. 1. Народный календарь. Екатеринбург, 2000. С. 107.
- ⁵⁹ *Кривощёков А. И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. № 5. Уфа, 1915. С. 203.
- ⁶⁰ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 166–167.
- ⁶¹ *Савичев Н. Ф.* Увеселения в Уральском войске // Уральские войсковые ведомости. № 32. 1868.
- ⁶² *Кривощёков А. И.* Указ. соч. С. 207–209.
- ⁶³ *Савичев. Н. Ф.* Увеселения в Уральском войске // Уральские войсковые ведомости. № 32. 1868. С. 52.
- ⁶⁴ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков. Оренбург, 1891. С. 219–220.
- ⁶⁵ *Соколова В. К.* Указ. соч. С. 52; *Красножёнова М. В.* «Взятие снежного городка» в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. Иркутск, 1924. Вып. 2.
- ⁶⁶ *Голубых М.* Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 226.
- ⁶⁷ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских

казаков. Оренбург, 1891; *Кривощёков А. И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. № 5. Уфа, 1915. С 207–209.

⁶⁸ *Савичев Н. Ф.* Увеселения в Уральском войске// Уральские войсковые ведомости. № 31. 1868. С. 54.

⁶⁹ *Савичев Н. Ф.* Увеселения в Уральском войске//Уральские войсковые ведомости. № 32. 1868. С. 32.

⁷⁰ *Щербанов Н. М.* Фольклорно-этнографическая тематика в «Уральских войсковых ведомостях». Публикации Н. Ф. Савичева за 1867–1885 г.//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Тр. ИЭ.Нов.серия. Том. 110. Вып. IX. С. 610.

⁷¹ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 148.

⁷² Там же. С. 148.

⁷³ АРЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 167. Л. 15.

⁷⁴ АРЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 211. Л. 5.

⁷⁵ АРЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 160. Л. 81.

⁷⁶ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 161.

⁷⁷ Там же. С. 182.

⁷⁸ Там же. С. 179.

⁷⁹ Там же. С. 176.

⁸⁰ *Агапкина Т. А.* Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М., 2000. С. 271.

⁸¹ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 184.

⁸² *Толстой Н. И., Усачева В. В.* Верба //Славянские древности. Т. 1. М., 1995. С. 333–336; *Толстой Н. И.* Вербное воскресенье// Славянские древности. Т. 1. М., 1995. С. 336–338.

⁸³ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 191.

⁸⁴ Там же. С. 193.

⁸⁵ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 190.

⁸⁶ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 189.

⁸⁷ Там же. С. 192.

⁸⁸ Там же. С. 193.

⁸⁹ Там же. С. 210.

⁹⁰ *Кривощёков А. И.* Указ. соч. Вып.7. С. 225.

⁹¹ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 225.

⁹² Там же. С. 211.

⁹³ Там же. С. 220.

⁹⁴ *Кривощёков А. И.* Указ. соч. Вып. 7. С. 225.

⁹⁵ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 217.

⁹⁶ Там же. С. 207,220.

⁹⁷ Там же. С. 220.

- ⁹⁸ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 200.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ *Кривошеков А. И.* Указ. соч. Вып. 7. С. 225.
- ¹⁰¹ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 215.
- ¹⁰² Там же. С. 227.
- ¹⁰³ Там же. С. 232.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 233.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 224.
- ¹⁰⁶ Заупокойное богослужение. Объяснение обрядов, предшествующих погребению, чина погребения и обрядов, последующих за погребением. Б/м 1994 С. 93 (репринт).
- ¹⁰⁷ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 213.
- ¹⁰⁸ АРЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 222. Л.130.
- ¹⁰⁹ *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 689.
- ¹¹⁰ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 201–202.
- ¹¹¹ *Агапкина Т. А.* Костер// Славянские древности Т. 2. М., 1999 С. 621.
- ¹¹² *Черемшанский Ф. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 205.
- ¹¹³ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 215.
- ¹¹⁴ *Кривошеков А. И.* Указ. соч. Вып.7. С. 225.
- ¹¹⁵ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 213.
- ¹¹⁶ Там же. С. 221.
- ¹¹⁷ АРЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 167. Л. 59об.
- ¹¹⁸ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 253.
- ¹¹⁹ АРЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 145. Л. 43–44.
- ¹²⁰ АРЭМ. Ф.10. Оп.1. Д.167. Л. 40.
- ¹²¹ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 247.
- ¹²² Там же. С. 265.
- ¹²³ Там же. С. 266.
- ¹²⁴ Там же. С. 263–264.
- ¹²⁵ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 252.
- ¹²⁶ *Черемшанский Ф. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 205.
- ¹²⁷ *Кривошеков А. И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков//Вестник Оренбургского учебного округа № 5 С. 193
- ¹²⁸ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 258.

¹²⁹ Агапкина Т.А. Указ. соч. С. 611–612; 632–634.

¹³⁰ В прошлом обряд был широко известен в южнорусских селах, в частности в Рязанской, потомки которых заселяли эти два села. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.,1989. С. 216–217.

¹³¹ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 267.

¹³² Агапкина Т.А. Указ. соч. С. 632–633.

¹³³ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 241.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. С. 242.

¹³⁷ Там же. С. 252.

¹³⁸ Там же. С. 257.

¹³⁹ Там же. С. 276.

¹⁴⁰ Там же. С. 277.

¹⁴¹ Там же. С. 285.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. С. 280.

¹⁴⁴ Там же. С. 293.

¹⁴⁵ Там же. С. 289.

¹⁴⁶ Там же. С. 288.

¹⁴⁷ Там же. С. 289.

¹⁴⁸ Там же. С. 288.

¹⁴⁹ Там же. С. 289.

¹⁵⁰ Там же. С. 291.

¹⁵¹ Там же. С. 293.

¹⁵² Там же. С. 293.

¹⁵³ Там же. С. 291.

¹⁵⁴ Там же. С. 293.

¹⁵⁵ Там же. С. 292.

¹⁵⁶ Там же. С. 292.

¹⁵⁷ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 296.

¹⁵⁸ Там же. С. 297,298.

¹⁵⁹ Там же. С. 291.

¹⁶⁰ Там же. С. 50.

¹⁶¹ Там же. С. 50.